

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

ШКОЛА

ЖУРНАЛЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Гр. Л. Н. Толстымъ.

Glaubst zu schieben und wirst geschoben.

1862.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Типографія Имп. Моск. Университета.
(Катковъ К°).

АНТОН РАНОР

ШКОЛА

ЖУРНАЛ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

ИЗДАНИЕ

Гр. А. М. Кошарин

1863

НОМЕРЪ

Дозволено цензурой. Москва, 11 марта, 1863 года

Трофимовъ Им. Моск. Университета
(Литовск. №)

ДВА МѢСЯЦА ВЪ АЛЯБЬЕВСКОЙ ШКОЛѢ.

Еще новая школа въ сельцѣ Алябьевѣ, гдѣ я учителемъ. Скажу между прочимъ, что я не думалъ быть въ этой школѣ учителемъ, и школа эта открылась совершенно случайно. Начну ab ovo. Меня занималъ вопросъ: хотеть ли нашъ мужикъ учить дѣтей своихъ? Я былъ учителемъ въ двухъ школахъ, открытыхъ въ 4-мъ мировомъ участкѣ Крапивинскаго уѣзда. Первую школу я бросилъ случайно, вторую потому, что не кого было учить. Обѣ школы, какъ и другія школы этого участка, были открыты мировымъ посредникомъ. Но хотѣлъ ли народъ этихъ школъ или нѣтъ? Какъ, видно инициатива открытія этихъ школъ принадлежитъ посреднику. Я думалъ: вотъ посредникъ или помѣщикъ хотеть открыть школу, собираетъ сходку и говорить, что хорошо было бы устроить училище. предлагаетъ имъ выгоды. пользу отъ грамоты и т. п. Миръ, разумѣется, слушаетъ, нѣсколько мужиковъ повѣсили свои бородатые головы—слушаютъ и ничего не понимаютъ (это вѣрно). До ихъ слуха дошло предложеніе: нужно открыть училище, и всѣ ихъ мысли вертятся около этого предложенія. Слѣдовательно помѣщикъ велитъ открыть училище. Старшина получаетъ тоже приказъ уговорить мужиковъ, что грамота полезна и что приневольивать ихъ не слѣдуетъ; но вѣдь старшина въ зависимости отъ помѣщика и отъ посредника, и какъ ему не угодить посреднику или помѣщику!

И вотъ изъ огромнаго общества выжато какихъ-нибудь 12

или 15 мальчиковъ, помѣщику донесено старшиною что отцы согласны учить, прїѣзжаетъ учитель, и школа открыта.

Не безъ удовольствія я отправился учительствовать въ одно село Чернскаго уѣзда, гдѣ я долженъ былъ открыть самъ школу безъ всякаго содѣйствія со стороны помѣщика. Здѣсь я думалъ разгадать эту задачу и вотъ результатъ.

Прїѣхавъ въ село Никольское, я отправился къ старшинѣ и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.—«Да вы откелева?» спросилъ меня старшина.—Я прїѣхалъ изъ Тулы.

— Стало быть васъ помѣщикъ нанялъ?

— Нѣтъ онъ меня не нанималъ, а я такъ попросился къ нему въ деревню поучить вашихъ ребятъ.

— Хорошее дѣло! вотъ у меня сынишка есть, у попа учился, его бы можно подбучить. Я очень радъ этому для своего сына.

— Ну что, мужики—спрашиваю,—согласятся отдать учить ребятъ? (Я объявилъ ему и цѣну 50 к: сер въ мѣсяць.)

— Не знаю этого. Вотъ пощъ хотѣлъ учить, такъ я силомъ набралъ 12 мальчиковъ, а тутъ платить нужно; вотъ сходку соберу. Я радъ этому, моего мальчишку можно подбучить, ужъ для этого одного буду стараться.

Стараніями волостнаго старшины собрана была чрезъ полторы недѣли сходка. До этого времени кажется и забыли о моемъ существованіи въ селѣ Никольскомъ. И вотъ я на сходкѣ. Въ волостную избу собрано было человекъ 12, да и тѣхъ съ трудомъ затащили,—говорилъ староста: «день воскресный, послѣ обѣдни ложится на печи, да и итти не хоцца, потому морозъ на дврѣ.» Мужики были въ недоумѣніи за чѣмъ ихъ собрали и съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня. Старшина для пущей важности надѣлъ на свою шею медаль и прохаживался по избѣ; волостный писарь постоянно вертѣлся около какой-то законченной картины, представлявшей лупоглазаго франта въ манишкѣ, желая тѣмъ дать замѣтить, что это виситъ его портретъ, снятый пять лѣтъ тому назадъ и неоконченный только потому, что у живописца неостало красокъ. Волостный писарь замѣтилъ старшинѣ, что онъ напрасно надѣлъ медаль,

что онъ любитъ модничать, на что старшина отвѣтилъ, что ему можно модничать, потому что онъ старшина, а захочетъ такъ и кафтанъ изъ тонкаго сукна сошьеть.» А тебѣ, Трахвимъ Захарычъ, сказалъ старшина писарю, завистно, что ходилъ прежде у манишкѣ, какъ на патретѣ, а теперь ходишь въ какой-то чуйкѣ». — Старшина даже не много вспылить.

Прошло еще нѣсколько минутъ, но дѣло о школѣ не началось — ждали не придутъ ли еще мужики. Пришолъ еще одинъ карявенькій, приземистый мужикъ, перекрестился и спросилъ:

— А зачѣмъ сходка таперича?

— А вотъ увидишь, сказалъ старшина. Онъ началъ официальнымъ тономъ: — Ну вотъ, ребята, я приказалъ васъ собрать, чтобъ объявить за чѣмъ собрались (sic). Вотъ ихъ милость (онъ указалъ на меня) присланы къ намъ учителемъ и желаютъ учить ребятъ. Помѣщикъ даетъ помѣщеніе для школы, пока наша отстроится. И вы должны помнить, ребята, что намъ дѣлаютъ добро, должны быть благодарны, что объ насъ заботится правительство. Потому Императоръ далъ намъ волю и хочетъ сдѣлать насъ просвѣщенными. Ну что, ребята, какъ вы на это скажете, согласны учить ребятъ?

Мужики молчали. Двое какъ-то не дружелюбно посмотрѣли на меня. Мнѣ стало совѣстно, что я вмѣсто человѣка, который, какъ говорилъ старшина, долженъ сдѣлать имъ добро, а я становился врагомъ ихъ. Всѣ молчали.

— Ну, ребята, продолжалъ старшина, — я вамъ совѣтую отдать, это доброе дѣло.

— Знамо, что доброе дѣло, отвѣчалъ мужикъ, все время стоявшій понутивъ голову и словно отъ сна очнувшійся, — только я мальчика не отдамъ.

— Да отчего не отдашь? спросилъ старшина.

— Да оттого, что не отдамъ.

— Ну нѣтъ, сказалъ старшина, — эдакъ не годится говорить. Я собралъ васъ чтобъ рѣшить, какъ этому быть, чтобъ вы подумали, разсудили. Вѣдь мы должны благодарить Бога, что послалъ намъ эдакого учителя (я успѣлъ расхвалить самъ себя

старшинѣ). Тутъ ужь ихъ занятія только съ мальчиками, а не какъ у священника—тому некогда.

— Да оттого не отдамъ, отвѣтилъ мужикъ, — что дѣлають добро да на наши же бока; вѣдь небось мальчикъ выучится или не выучится, а полтинникъ отдай! А гдѣ его взять?

— Ну небось, Богъ пошлетъ на это, сказалъ старшина, — потому сами будете жалѣть что не выучили ребятъ.

Тутъ съ достоинствомъ вмѣшался и волостной писарь:

— Да вы, ребята, посудите, что значить грамотный и не грамотный! Вотъ, примѣрно, я грамотный и вы не грамотные. Пошли мы намѣдни въ казначейство, — вы стоите столбами, а я за васъ говорю.

Противъ такого сильнаго довода волостнаго писаря мужики ничего не отвѣчали. Старшина опять обратился съ вопросомъ: «ну-что, согласны?»

Мужики молчали. Нѣсколько мужиковъ почесали свои затылки. Одинъ мужикъ собрался было что-то сказать да должно быть раздумалъ. Молчаніе длилось минуты три. — Ну, поговорите вы сами съ ними, сказалъ мнѣ старшина.

Я разказалъ имъ что это будетъ за школа, какъ и чему буду учить, почемъ должны платить, сказалъ что тутъ нѣтъ никакого принужденія, а хочешь отдавай, не хочешь—не нужно.

— Стало быть тутъ неводи нѣтъ—сказалъ корявенькій мужикъ.—Ну, братцы, погодимъ отдавать. Наши дѣды жили безъ грамоты, не глупѣй насъ были. А я думалъ дѣло какое! (Замѣчательно, что у этого мужика не было дѣтей.)

Старшина вспылить: «какъ ты смѣешь говорить такъ *въ присутствіи!* Нешто это не дѣло? Я тебя въ холодную посажу, я тебя выпорю... я тебя... я тебя... вонь!»

Хотя старшина и крикнулъ вонъ, но мужикъ не ушолъ, и сталъ опять возражать. Писарь замѣтилъ: «дуракъ!—ну что ты знаешь? Ты, примѣрно, скоты! Ты и помолиться не знаешь, только и знаешь Господи Иисусе, а что такое Господи Иисусе?»

— Ну, Захарычъ, отвѣтилъ карявенькій мужикъ, —мы только и знаемъ Господи Иисусе, да съ этимъ и поидемъ за труды

наши въ рай. А господа-то и знаютъ что такое Господи Иисусе да въ адъ пойдутъ.

Всѣ бороды затряслись отъ смѣху.—Вотъ каковъ, вотъ каковъ,—а грамоты не знаетъ!

Карявенькій мужикъ, въ одобреніе словъ котораго вся сходка затряслась истерическимъ смѣхомъ, ослабился и хотѣлъ еще что-то сказать, но старшина началъ говорить:

— Ну чтожъ, братцы, согласны?—Мужики молчатъ.—Говори ребята, ай языкъ у всѣхъ отсохъ?—Мужики молчатъ.—Да говори же!—Одинъ мужикъ сталъ говорить:

— Погодить бы маненько.... что намъ первымъ начинать эдакое дѣло. Мы этого еще не знаемъ.

— Ну вотъ я отдаю своего сына, сказалъ старшина, — кто еще отдаетъ?

— Да коли ваша милость своего сына, такъ и я своего, сказалъ мужикъ.

— Вотъ *ты* отдаешь, сказалъ старшина одному мужику стоявшему поодаль, —твой мальчикъ какъ разъ въ ученѣ!

— Нѣтъ, не отдамъ, онъ у меня ничего не смыслить,—не отдамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ сходка разошлась.

— Еще этого тутъ никогда не слышали Ф-ъ, сказалъ старшина,—а то мальчиковъ можно бы набрать много. Упрямится народъ,—неучь! А ужъ я радъ для своего сына.

Черезъ два дня приведены были ко мнѣ три мальчика: старшины, старосты и еще какого-то мужика. Я сталъ заниматься съ этими 3-мя мальчиками. Они до этого учились у священника и кое-какъ читали. Пріѣхавъ въ село Никольское, я не привезъ съ собою никакихъ книгъ для школы. Мальчики принесли съ собою только три букваря, обшитыхъ холстиною, вмѣсто переплетовъ. Я заставилъ ихъ кое-что прочесть изъ букваря.

— Ну вотъ эту книгу заставте его прочесть, сказалъ мужикъ, приведшій своего сына, и указалъ на «Русское слово», лежащее на столѣ. Я выбралъ разсказъ Марка Вовчка «Ледаци-

ца» и далъ почитать мальчику. Мальчикъ перекрестился, поцаловалъ Ледащицу и пошолъ ваять. Отецъ остался очень доволенъ.—Ну довольно.—Мальчикъ опять перекрестился, поцаловалъ Русское слово и положилъ бережно на столъ. Тѣмъ и кончился первый приступъ.

Прошла еще недѣля. Ко мнѣ ходили каждый день только три мальчика, каждый день цаловали свои буквари и Ледащицу, потому что больше нечего было; выучились писать цифры на шахматной доскѣ, на которой писали и буквы, а потомъ цѣлыя предложенія; узнали какъ Богъ сотворилъ міръ, человѣка и т. п.

Прошло еще нѣсколько дней. Мальчиковъ не прибавлялось; старшина нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и объяснялъ, что онъ старается въ особенности для своего сына, но что все таки мужики не согласны. «Вотъ поѣду, говорить, къ посреднику, не заставить ли онъ эдакъ *принугануть* мужиковъ, тогда можно.» Но вотъ старшина былъ и у посредника, а приказанія *принугануть* не получилъ: «нельзя силомъ заставлять», говорилъ посредникъ. Я сказалъ старшинѣ, что долженъ буду уѣхать, не жить же мнѣ въ деревнѣ для 3-хъ мальчиковъ. Старшина отправился къ священнику посоветоваться какъ быть: упустить такого человѣка жаль, а моего сынишку можно было бы подбучить. Священникъ тоже принялъ участіе въ устройствѣ школы. Рѣшили, что священникъ на заутрени станетъ увѣщевать народъ чтобъ учили мальчиковъ. Но и увѣщаніе не подѣйствовало. Прошло еще нѣсколько дней, прибылъ еще одинъ мальчикъ, и то тайкомъ ушедшій со двора, потому что отецъ его не пускалъ, и на другой же день не пришолъ.

Вотъ и сознаніе народа въ необходимости грамоты. Я не говорю этого о всемъ народѣ, я исключаю мужиковъ живущихъ близъ городовъ, на большихъ дорогахъ, подлѣ фабрикъ, но въ нашихъ захолустьяхъ нельзя и думать о томъ, чтобъ мужики сами захотѣли учиться.

Я уже хотѣлъ бросить совсѣмъ село Никольское и школу съ тѣмъ, чтобы никогда не быть учителемъ. Случай доставилъ мнѣ побывать въ селѣ Алябевѣ. Случайно же я увидѣлся

съ тамошнимъ помѣщикомъ, который, выслушавъ мой плачь на неудачу въ селѣ Никольскомъ, предложилъ попробовать не устроится ли здѣсь школа. Я согласился остаться въ предположенной школѣ.

И вотъ чрезъ нѣсколько дней, я въ избѣ волостнаго правленія, пожертвованной старшиною для школы, для меня отстроены чуланъ, имѣющій видъ кубическаго ящика, вокругъ меня 23 мальчика. Въ школѣ имѣется нѣсколько экземпляровъ Ясной Поляны, сказокъ Худякова, пять аспидныхъ досокъ, три грифеля (куплено было пять—два пропали) и чуланная дверь, на которой ребята учатъ азы. Ученіе продолжается двѣ недѣли. Не стану много говорить о своихъ занятіяхъ въ школѣ; о прежнихъ занятіяхъ я говорилъ что онѣ однообразны, здѣсь еще однообразнѣе, и однообразнѣе оттого, что не чѣмъ разнообразить ихъ. Мальчики, поступившіе въ мою школу, большею частію учоные. Нѣкоторые (дворовые) учились—кто у конторщика, который по словамъ ребятъ ихъ мало училъ, а заставлялъ качать въ люлькѣ своего ребенка и носить щепки, а больше биваль, —кто у какой то Мавры Ивановны, которая учила трехъ дворовыхъ мальчиковъ собственно для того, чтобъ ея сыну веселѣе было учиться. Мальчики эти читаютъ безъ складовъ и въ полномъ смыслѣ школьники, какихъ привыкли мы видѣть въ городскихъ школахъ, со всеми школьными замашками, смѣшками, щипаньемъ, ябедничаніемъ, обманываніемъ учителя и т. п. Другіе (крестьянскіе мальчики) учились нѣкоторые у священника, изъ которыхъ трое кое-какъ читаютъ. Въ этихъ трехъ болѣе простоты и наивности. Мальчиковъ 8 свѣженькихъ, но которые видимо начинаютъ портиться отъ сближенія съ остальными.

Мальчики приходятъ въ школу довольно рано. Я еще лежу въ своемъ чуланѣ, и слышу какъ шумятъ ребята: одни съ шумомъ лѣзутъ на печь чтобъ погрѣться, другіе принимаются за печеніе картошекъ, третьи начинаютъ драться. Я слышу ихъ оживленный говоръ; слышу какъ кто-то жалуется что отморозилъ себѣ уши; слышу какъ старшиниха ругается, что ребята истоптали ея платокъ, *лѣзлиши на печку*; слышу еще болѣшій шумъ отъ оправдыванія и какъ какой то мальчишка кри-

читать съ намѣреніемъ, чтобъ я слышалъ: тише ребята, дядинку разбудите! Но вотъ чуланная дверь отворяется и у порога являлся дяденька, т. е. я.—Я сейчасъ же принимаюсь за занятія, и тутъ уже въ толпѣ ребятъ, въ этомъ хаосѣ, гдѣ не гдѣ повернуться, некогда думать, чтобъ по обыкновенію умыться или позавтракать, я сейчасъ же начинаю сортировать ребятъ. Въ школѣ два стола: за одинъ столъ усаживаются ребята умѣющіе читать и читающіе по складамъ; около двери (моя чуланная дверь исписана мѣломъ; въ школѣ не имѣется пока черной доски, и кромѣ двери не гдѣ писать буквы), поставленной къ другому столу, образуется кучка ребятъ не умѣющихъ читать. Начинается учаніе, продолжающееся съ утра до вечера съ отдыхомъ на 1½ часа во время обѣда. О приемахъ преподаванія своего не стану говорить, потому что они извѣстны, да и вообще мнѣ кажется объ этомъ не стоитъ говорить; у каждаго учителя есть свой собственный или занятый методъ преподаванія, который онъ развиваетъ по своему и который по этому есть его собственный. Учитель, усвоившій себѣ какой нибудь методъ преподаванія, не можетъ и не умѣетъ преподавать по другому. Я, усвоивши себѣ отчасти приемы Яснополянской школы, не могу и не умѣю преподавать по азамъ, по Золотовской методѣ, по звуковой и т. п. Дьячокъ, учившій по азъ-буки, не можетъ и не умѣетъ преподавать, употребляя мои приемы, хоть пусть будутъ мои приемы самыми лучшими и удобными. И по этому пусть не удивительнымъ покажется, что я нѣсколькихъ ребятъ, знающихъ азы и двойные склады, какъ учились они у священника, переучивалъ по своему, заставляя ихъ снова учить буквы по а, бе, и т. д. Сказавши это, я нахожу лишнимъ сообщать какіе нибудь новые приемы, на которые можетъ быть я попалъ случайно и которые могли быть пожалуй и интересны, но ничуть ни полезны для другихъ учителей. Золотовская метода не принесла рѣшительно никакой пользы въ области педагогики, кромѣ того, что можетъ быть испортила тысячи учителей, могшихъ учить прекрасно и успешно по своему, какъ ихъ учили. Многіе по этому различаютъ учителей бездарныхъ и даровитыхъ. Нѣтъ учителей

бездарныхъ. Бездарный учитель тотъ, который старается учить какъ другіе. Еще бездарный учитель—не развитой умственно человекъ. По моему мнѣнію для того, чтобъ быть учителемъ не нужно изучать никакой педагогики, точно также, какъ для того чтобъ писать, совершенно лишняя вещь изученіе какихъ нибудь теорій словесности, пѣтики, риторики и т. п.

Продолжаю плакаться о своей школѣ. Не смотря на то что неучонные мальчики уже знаютъ буквы, складываютъ на слухъ, пишутъ цифры и общаются скоро читать, учоныя нѣкоторые читаютъ, понимая читанное, знаютъ нумерацію, дѣлаютъ сложеніе, всѣ разказываютъ кое-что изъ священной исторіи,— все таки моя школа не лучше дячковской, и, современемъ при такомъ образѣ занятій, безъ всякаго матеріала для школы, не имѣя чѣмъ разнообразить свои занятія, я скоро самъ сдѣлаюсь дячкомъ-учителемъ со всѣми особенностями дячковскаго ученія.

Г. Марковъ вѣрно сказалъ, что наши школы нельзя сравнивать съ Ясно-Полянскою школою, но причина та, что тамъ есть все что нужно для школы: тамъ ученіе бесплатное, тамъ учитель избавленъ отъ контроля отцовъ ребятишекъ и поэтому самая школа идетъ какъ ей слѣдуетъ итти. Но здѣсь, гдѣ я получаю полтинникъ за ученіе, гдѣ чуланная дверь служитъ доскою для писанія, гдѣ какихъ нибудь двадцать книжекъ трехъ содержаній съ пятью аспидными досками и тремя грифелями существуютъ для 23 мальчиковъ, гдѣ почти каждый день отецъ учащагося ребенка приходитъ въ школу и слѣдитъ за занятіями своего сына, напоминая мнѣ, что онъ часто ходитъ на дворъ и что по этому я плохо учу, и гдѣ по этому мальчикъ постоянно долженъ сидѣть за книгой, не смотря на то, хочетъ ли онъ сидѣть и читать или нѣтъ, здѣсь не обходимо должна вкратѣться искусственность и охлажденіе къ занятіямъ со стороны учителя и совершенная антипатія къ ученію со стороны мальчиковъ.

Но скучно говорить о такой школѣ, которой повидиму начинаешь самъ тяготиться. Другой учитель, способный на жертвы, на борьбу (въ которой, мимоходомъ, я положительно не вѣрю), сталъ бы идеализировать и себя и школу и самые не-

достатки школы. Но я не способенъ ни на то ни на другое. Я говорю то, что есть...

Болѣе полутора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ предъидущее. Въ это время многое измѣнилось въ школѣ, измѣнился и я, немного привыкнувъ ко всеѣмъ лишениямъ школы въ матеріальномъ отношеніи, немного измѣнилась и обстановка школы: чуланная дверь висить уже не снимаясь. Въ школѣ стоитъ черная деревянная доска; ребята, стоявшіе прежде кружкомъ около двери, сидятъ теперь за столомъ и читаютъ довольно истрепанныя книженки, которыхъ въ настоящее время осталась только половина. (Другая половина зачитана). Только тоже число досокъ осталось по прежнему да вмѣсто грифелей стали употребляться осколки одной аспидной доски.

Я ничего не говорилъ объ открытіи Алябьевской школы. Говорятъ, что здѣсь давно думали устроить школу, только остановка была за учителемъ; говорятъ что дворовые постоянно спрашивали помѣщика, когда же будетъ учитель и, соскучась ожиданіемъ учителя, уже хотѣли отправить трехъ мальчиковъ къ волостному писарю въ ближайшее село, горькому пьяницѣ и въ настоящее время пропавшему безъ вѣсти. Говорятъ, что когда дворовые узнали, что наконецъ отыскался учитель, очень обрадовались и остановили отправку мальчиковъ, — чѣмъ одинъ дворовый, кажется, былъ недоволенъ, потому что онъ заготовилъ уже полштофъ вина запить могоарычъ по случаю отдачи своего сына, а теперь вино пропадетъ даромъ. Говорятъ, что потомъ, когда я согласился тамъ остаться, собрана была помѣщикомъ экстренная сходка, на которой изъявлено было помѣщикомъ желаніе сдѣлать добро. Крестьянамъ объяснена была польза отъ грамоты, расхваленъ и возвышенъ былъ я, потомъ изъявлено было желаніе крестьянъ учить дѣтей и пожертвована была старшиною изба волостнаго правленія для школы. Говорятъ, что тутъ же на сходкѣ былъ и священникъ, который обѣщалъ сочувствіе, содѣйствіе и участіе къ школѣ; говорятъ, что на другой же день принялись отстро-

ивать для меня чуланъ, столы для школы, что на другой же день старшина жаловался, что ему эта школа причинить большой убытокъ, потому что у него семейство большое, а помещеніе малое, что это онъ ужь сдѣлалъ такъ только для помѣщика. Все это я говорю—говорять, потому что я самъ въ это время тамъ не былъ и мнѣ это потомъ разказывали.

Пріѣхавъ въ село Алябеево, я предложилъ старшинѣ просить священника отслужить молебенъ для ребятешекъ. Предложеніе мое было принято съ восторгомъ, особенно доволенъ былъ мельникъ, который поставилъ долгомъ присутствовать на молебнѣ. Назначили молебенъ служить въ воскресенье, на третій день моего пріѣзда въ Алябеево. Посланъ былъ дежурный изъ волостного правленія объявить всѣмъ мальчикамъ собираться въ воскресенье, да не забыть для молебна тово—ситнушку али курицу, проздравить учителя. Мельнику тоже дано знать что будетъ молебенъ (онъ приказалъ непременно себя извѣстить, потому что онъ эти дѣла не такъ понимаетъ, какъ мужикъ, а знаетъ что для этого нужно. Тутъ должна быть, говорилъ онъ, исторія).

Наступило воскресенье. Старшина ушолъ къ обѣдни, старшиниха вытопила печь, вымела избу, вычистили столы и отправилась въ чуланъ достать мочоныхъ яблоковъ и орѣховъ для закуски послѣ торжества. Собрались мальчики, дано было знать мельнику, сталъ чиститься самоваръ, одинъ мальчикъ посланъ былъ на заводъ за угольями для самовара, другой къ сосѣду взять занятую чашку чаю. Однимъ словомъ все готовилось къ торжеству. Ждали только прихода старшины съ священникомъ отъ обѣдни. Мальчики по перемѣнкамъ выбѣгали посмотреть не ѣдетъ ли старшина, всѣми овладѣло какое то лихорадочное нетерпѣніе. Но вотъ къ волостному правленію подкатили сани: ѣдетъ, ѣдетъ! крикнули ребята. Но это пріѣхалъ мельникъ съ своими ребятами. Съ важностію, свойственною купцамъ 1-й гильдіи, ввалился мельникъ въ волостное правленіе, одѣтый въ суконный кафтанъ. Подъ мышкой у него былъ ситнушка завернутый въ платокъ, изъ за пазухи выглядывало горлышко полштофа. Послѣ мельника вошли двое его ребятъ въ нанковыхъ кафтанахъ и краснымъ подпояскахъ

Мельникъ предложилъ мнѣ взять ситнушку, я разумѣется изъ вѣжливости отказывался и изъ вѣжливости взялъ ситнушку.

—«Ужь будьте покойны, говорилъ мельникъ,—мы это дѣло понимаемъ. Мужикъ необразованный, онъэ того не понимаетъ.»

Онъ мнѣ представилъ своихъ ребятъ, причосанныхъ, прилизанныхъ, въ новыхъ сапожонкахъ.

—«Ручку поди поцалуй учителю,» обратился онъ къ своимъ ребятамъ.

Мальчики придвинулись ко мнѣ, приготовивъ свои губы къ поцалую. Я имъ не далъ поцаловать руки, только пожалъ.

—«Нѣтъ, нѣтъ сказалъ мельникъ, должны поцаловать. Арина! обратился онъ къ своему старшему сыну (сына звали Сергѣемъ) Арина! цалуй руку! Тутъ, примѣрно, должна былъ исторія.»

Другіе мальчики услышавъ, что Серejку даже отецъ дразнить Ариной, сей-часъ же сложили про него:

Арина кашу варила,
Всѣ горшки перебила!...

Мельникъ ужасно обидился такою фамильярностью крестьянскихъ ребяташекъ съ его дѣтьми и безъ церемоніи прикрикнулъ на нихъ такъ, что одинъ маленькій мальчикъ даже заплакалъ. Потомъ онъ позвалъ меня въ чуланъ съ намѣреніемъ о чемъ то важномъ переговорить. Въ чуланѣ онъ сталъ говорить мнѣ:

—«Ужь вы пожалуйста моихъ ребятъ подъ рукою держите, побольше съ ними занимайтесь. Тѣ, знаете, мужицкіе,—что имъ,—пахать. А ужъ моихъ пожалуйста. По цѣлковому платитъ буду! Ей Богу по цѣлковому, такъ и скажите всѣмъ, что мельникъ по цѣлковому платитъ! И помѣщику скажите, что мельникъ по цѣлковому платитъ. Нельзя! Такая исторія!»

Я во всемъ его увѣрилъ.

Но старшина съ священникомъ не пріѣзжалъ. Мальчики соскучились ждать, потому что было уже около перваго часу. Наконецъ подѣхали еще сани. Пріѣхали! крикнули ребята но и тутъ имъ суждено было разочароваться. вмѣсто старшины съ священникомъ въ школу вошли двѣ дворовыя женщины,

дѣти которыхъ были въ числѣ учениковъ. Онѣ обѣ не забыли приказанія дежурнаго и принесли по ситнушки. Мельникъ замѣтилъ, сталъ волноваться тѣмъ, что старшина съ священникомъ не пріѣзжалъ и подѣ конецъ разгорячился:

— «Да что это,—выходить обманъ! Безпокоить человѣка!

Потомъ онѣ сталъ выкликать мальчиковъ прочесть ему *вѣру*. Но мальчики, испуганные его крикомъ, не хотѣли прочесть *вѣру*. Онѣ подозвалъ къ себѣ маленькаго мальчика, который вѣрже заплакалъ, когда мельникъ крикнулъ, и не знаю почему заставилъ его взять пятакъ серебра. Мальчикъ пятился ежился, плакалъ и не хотѣлъ взять пятака, но мельникъ насильно всунулъ ему деньги. Потомъ онѣ вызвалъ еще нѣсколькихъ мальчиковъ и подарилъ имъ тоже по пятаку.

Было уже около трехъ часовъ, когда мельникъ былъ въ разгарѣ и дарилъ послѣдній пятакъ, и дворовыя женщины разговаривали о томъ, какъ это я управлюсь съ такимъ числомъ мальчиковъ, а старшина съ священникомъ все не пріѣзжали. Тутъ-то окончательно вспылилъ мельникъ. Онѣ изругалъ старшиниху, заочно старшину. Назвалъ все это невѣжествомъ необразованіемъ, сказалъ что они не понимаютъ *исторіи*, наговорилъ кучу русскихъ сильныхъ словъ, разбилъ о косякъ двери полштофъ, въ которомъ еще было рюмки три вина, кликнулъ своихъ ребятъ и не простившись со мною уѣхалъ. Торжеству не суждено было быть въ это воскресеніе. Старшина пріѣхалъ подѣ вечеръ, и ничуть не удивился происшедшему; онѣ сказалъ, что священнику не было времени, и что молебень отслужится въ будущее воскресеніе. Мальчики, проголодавшись, поѣли мои три ситнушки и ушли домой.

Молебень отслужили въ слѣдующее воскресеніе. Приготовленія къ торжеству были тѣ же. Мельникъ, должно быть смягчившись, опять пріѣхалъ и вмѣсто ситнушки привезъ мнѣ связанную рябую курицу и за пазухой у него торчалъ уже полштофъ красенькой. На торжествѣ было даже какое-то незнакомое мнѣ лицо съ свѣтлыми пуговицами и кокардой, или, какъ говорятъ мальчики, точкой на фуражкѣ. Былъ одинъ мѣщанинъ-ростовщикъ, горбатый старичекъ, который послѣ треть-

ей рюмки красненькой сдѣлался необыкновенно развязенъ и потому обращался къ каждому съ словами: «эй! у насъ одинъ Отецъ небесный! Я небесному служу.» Былъ девяностолѣтній старикъ, который говорилъ, что грамота трудное дѣло, и не всякому дается, а ужъ коли кому дается, такъ тотъ пойдетъ и пойдетъ. Говорилъ, что онъ самъ учился грамотѣ, весь букварь произошолъ, въ доказательство чего онъ прочелъ всѣмъ краткія нравоученія изъ букваря, окончивъ словами: все сіе исполняй и будешь благополученъ.—Былъ тутъ и отецъ старшины, порядочно выпившій, который вошолъ въ избу съ словами: «крякнула матушка!» Во все время торжества онъ былъ душою общества и постоянно кричалъ: «крякнула матушка! Вотъ казацкая Божья мать видитъ.» Старшина сталъ стращать отца, что онъ посадить его въ холодную. Отецъ старшины разбуянился, замахнулся на старшину кулакомъ и закричалъ что онъ родитель старшины: «я родитель старшины!»

Хотя онъ больше ничего не говорилъ, кромѣ сказанныхъ словъ, которыя онъ постоянно повторялъ, но всѣ были имъ довольны и просто надрывались отъ смѣху. Старшина былъ все время недоволенъ фамиллярностію своего отца съ гостями и подъ конецъ торжества вывелъ его и заперъ за нимъ двери. Отецъ съ досады, что сынъ не уважаетъ родителя, подошелъ на дворъ къ окну и разбилъ окно. Старшина по уходѣ отца развеселился, прогналъ мальчишекъ домой, на каждое слово, сказанное ему гостемъ, отвѣчалъ: текъ-съ, текъ-съ, и сталъ слушать какую-то исторію разказываемую мельникомъ, которую онъ подраздѣлялъ на собственно исторію и исторійцу: это будетъ къ примѣру исторія, говорилъ онъ хватаясь одной рукой за стаканъ, а это исторійца,—указывая другой рукой на чернильное пятно на столѣ. Однимъ словомъ было весело, было много полштофовъ выпито, много моченыхъ яблокъ поѣдено, былъ поставленъ два раза самоваръ, лицо съ свѣтлыми пуговицами и точкой на фуражкѣ за каждой рюмкой желало мнѣ успѣха, присоединяя желаніе поближе познакомиться со мною; въ веселомъ шумѣ постоянно было слышно: «текъ-съ, текъ-съ,» или: «одинъ небесный видитъ мою добродѣтель,» и не умолкаемый говоръ мельника, помѣшавшагося на исторіяхъ.

Было много интересных сценъ, разговоровъ, которыхъ въ настоящее время всѣхъ не упомяну.

На другой день началось настоящее учение, какъ говорили мужики, и съ этого числа положили считать мѣсяцы учения. Не знаю понравились ли приемы мои и обхождение съ мальчиками крестьянамъ, знаю только, что въ барской конторѣ былъ по этому случаю споръ у конторщика съ старшиною. Конторщикъ говорилъ что я непременно переѣмлю свое обращеніе съ мальчиками, что это я только такъ, чтобы сначала понравиться мальчикамъ, а потомъ и стану драть ихъ, потому что безъ этого не возможно. Старшина увѣрялъ, что я, напротивъ, буду вести дѣло какъ началъ. Подъ конецъ старшина предложилъ пожертвовать съ своей стороны на школу три рубля съ тѣмъ, чтобы на эти три рубля куплены были для всѣхъ, мальчиковъ красныя шапочки. Старшина должно быть завидовалъ аристократизму и благотворительности мельника, раздавашаго мальчикамъ по пятаку серебра. Ему хотѣлось тоже какъ нибудь показать себя. Три дня толковалъ онъ о красныхъ шапкахъ, но должно быть потомъ раздумалъ, потому что шапокъ не купилъ.

Мельникъ по открытіи школы довольно часто ѣздилъ по-смотреть какъ я учу ребятъ, постоянно досаждалъ мнѣ тѣмъ, что онъ эти дѣла понимаетъ и просилъ, чтобы я былъ увѣренъ, что онъ непременно по цѣлковому платитъ будетъ. Разъ даже онъ меня поцаловалъ и спросилъ—не хочу ли я взять два цѣлковыхъ съ мальчика, вмѣсто цѣлковаго.

Однажды пришолъ въ школу посмотреть мое учение одинъ однодворецъ, сынъ котораго учился у меня. Тутъ былъ и мельникъ. Мельникъ, поглаживая свою черную бороду, сидѣлъ на конникѣ и слѣдилъ за моими занятіями. Однодворецъ подсѣлъ къ старшинихѣ, которая возилась около печки и завелъ рѣчь о гусакахъ. Когда мельникъ вышелъ изъ школы, однодворецъ пошолъ за нимъ. Вечеромъ мельникъ нарочно заѣхалъ ко мнѣ, чтобы сообщить исторію. Онъ говорилъ, что однодворецъ дорогой спросилъ его, какъ болѣе понимающаго и знающаго грамоту, будетъ ли изъ моего учения какой прокъ? «Мы, говорить, люди темные, этого не понимаемъ, а ты грамотный.

Можетъ быть онъ обманываетъ насъ! Мой мальчикъ одни сказки читаетъ!» Мелькикъ ему сказалъ. «ты необразованный, и потому ты не понимаешь этого, а потому молчи и не спрашивай. Я это получше знаю. Эдакаго учителя нигдѣ вамъ не найти.»

Въ школу мою забѣжалъ также посмотреть ученіе и мѣщанинъ ростовщикъ, который присутствовалъ при молебнѣ. Разъ онъ попросилъ у меня какую нибудь книжечку почитать. «У меня, говоритъ, живетъ солдатъ, вечеромъ почитаетъ. Только пустяшныхъ не давай, а давай божественную.» Я далъ ему книжку Ясной Поляны № 1. Черезъ нѣсколько дней онъ прѣзжаетъ ко мнѣ съ словами: эй, Ф-чъ! да ты меня обманулъ! —Какъ обманулъ?—Ты мнѣ далъ пустяжную книжку!—Да чѣмъ она пустяжная?—Да ничего про божественное, только про пословицу написано. (Ему солдатъ прочелъ Федора и Василия) —Про какую, говорю, пословицу? — Да чтобъ денегъ не давать займы. Ты со мной штуку учинилъ Ф-чъ, ей Богу штуку! Вотъ небесный видитъ. А уже за пословицу благодарю—она мнѣ пригодится. Вѣдь какъ придумали: не давай займы денегъ!

Другой разъ онъ засталъ меня въ кругу мальчиковъ, рассказывающихъ мнѣ священную исторію. Я курилъ папиросу и мальчика три рассказывали. Онъ слушалъ, слушалъ, наконецъ говорить:

—«Чудное дѣло Ф-чъ! Какъ это ты куришь трубочку и на всѣ стороны отвѣчаешь. Да и мальчики какъ отбrehиваются, чудно!

Съ этого времени онъ почувствовалъ ко мнѣ какое то особенное уваженіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого прѣзжаетъ ко мнѣ одинъ мужикъ, который живетъ съ нимъ вмѣстѣ и проситъ принять своего сына въ училище. Онъ много былъ слышанъ объ моей школѣ отъ этого старика. Явился онъ ко мнѣ въ четвергъ и обѣщалъ привести сына въ воскресенье. «Сперва говоритъ молебень отслужу, а ты ужъ пожалуста,—обратился ко мнѣ, *подъ крыло его подогни*, а я подарками тебя не забуду.»

Въ воскресеніе явился онъ съ мѣщаниномъ и сыномъ. Тутъ произошолъ обрядъ передачи отцомъ сына учителю. Мы все стали рядомъ, мѣщанинъ, какъ старшій, прочолъ какую то молитву, все крестились. Потомъ онъ обратился къ приведенному Семкѣ: «вотъ тебѣ теперь и учитель и отецъ,—указалъ онъ на меня. Того отца теперь не слухайся, тотъ тебѣ теперь не отецъ, а вотъ отецъ! Цалуй руку!» Я съ Семкой поцаловался въ губы. Потомъ къ Семкѣ обратился его отецъ: «такъ я тебѣ теперь не отецъ, ты ужъ меня теперь не слухайся! Ну, Ф-чъ, нужно теперь тебѣ его изъ полы передать, учи его соблюдай его!» Онъ взялъ Семку полой своего тулупа и передалъ его мнѣ. Я тоже долженъ былъ получить нареченнаго сына своей полой.

—«Ну теперь кончено, сказалъ мѣщанинъ, пойдемъ теперь, Ф-чъ, съ нами».—Куда?—«Да въ кабакъ, по рюмочкѣ красенькой выпить. Нельзя! Такъ заведено».

Въ кабакъ я отказался идти, не смотря на все просьбы и причитанія: эй, одинъ небесный видитъ мою добродѣтель!

Не забуду я еще посѣщенія моей школы однимъ господиномъ, занимавшимся обученіемъ ребятъ. Было уже подъ вечеръ, нѣкоторые ребята собирались домой, съ нѣкоторыми я занимался складами, когда совершенно неожиданно вошолъ этотъ господинъ.

—«Здравствуйте милые,» произнесъ онъ

Мальчики отвѣтили ему на привѣтъ привѣтомъ.

—«Гдѣ же вашъ наставникъ, мои голубчики?»

Я подошолъ къ нему. Онъ мнѣ сильно пожалъ руку, отъ него пахнуло виномъ. Мальчики съ любопытствомъ стали разсматривать его.

—«Подойди ко мнѣ, голубчикъ ты мой, крошечка моя, хо-рошенькій мой! Подойди, подойди,—обратился онъ къ одному маленькому мальчику, тому самому, который пятился отъ мельника пятака. Мальчикъ не хотѣлъ идти.

Господинъ этотъ подошолъ къ нему, поднялъ его вверхъ и поцаловалъ. Мальчикъ разрыдался.

— Свинья! сказалъ ему грозно господинъ и оттолкнулъ отъ себя. Глаза у господина сдѣлались страшны, онъ заскрежеталъ зубами. Я самъ даже испугался. Мнѣ пришло на мысль: въ полномъ ли умѣ этотъ господинъ?

— Ну подойди ты, обратился онъ къ другому дворовому мальчику. Мальчикъ этотъ былъ посмѣлѣе и подошолъ. Господинъ его поцаловалъ и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Ну, голубчикъ мой, что я напишу? Онъ написалъ на грифельной доскѣ 1862.

— Не знаю, отвѣчалъ мальчикъ.

— А кто сотворилъ мѣръ?

— Богъ.

— Хорошо, хорошо моя душечка.

Въ это время одинъ мальчикъ приподнялся съ своего мѣста, — посмотрѣлъ что написано на доскѣ. Порядочный толчокъ въ голову бывшего учителя осадилъ мальчика.

— «Ахъ ты каналья! Ахъ ты свинья! Кто тебѣ позволилъ встать! На послѣднее мѣсто его ссадите, сказалъ онъ мнѣ, вотъ этаго (онъ указалъ на мальчика, который сидѣлъ у него на колѣняхъ) этого на первое мѣсто! Непремѣнно на первое мѣсто.

— Ну ты, мальчикъ, скажи мнѣ «вѣрю», обратился онъ къ другому мальчику, взявъ его за руку.

Мальчикъ испугался и дребезжащимъ голосомъ сталъ говорить *вѣрю*. Не кончивъ перваго члена, онъ сталъ горько плакать. Я замѣтилъ что господинъ ему сильно мялъ пальцы въ своей рукѣ. Щелчокъ въ лобъ и слово свинья были наградою мальчику за «вѣрю».

— Гдѣ же другіе мальчики? обратился господинъ ко мнѣ.

Я оглянулся, въ школѣ стояли только пять мальчиковъ; остальные съ испугу попрятались, кто на печку, кто подъ лавку, подъ столъ, одинъ легъ на лавкѣ и прикрылъ себя свиткой.

— Гмъ... произнесъ господинъ и заскрежеталъ зубами.— Прощайте; и еще сильнѣе чѣмъ прежде пожалъ мнѣ руку!—

Пишу дальше спустя еще двѣ недѣли. Я теперь уже не учителемъ въ Алябьевской школѣ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить эту школу и уѣхать оттуда. Правда, и самая школа не слишкомъ располагала меня остаться, я начиналъ тяготиться школой, а гдѣ школа въ тягость, тамъ не можетъ быть успѣха. Чтобъ былъ успѣхъ, нужно полюбить школу, а полюбить что нибудь зависитъ отъ натуры человѣка. Моя натура такая, что я не могъ полюбить *этой* школы. Опять бываютъ случаи, что учитель исполняетъ свою обязанность по обязанности, и бываетъ успѣхъ. Если хотите, такъ и уменя въ 2 мѣсяца тоже видѣнъ успѣхъ, но все это не то, и въ самыхъ успѣхахъ мальчиковъ вы увидите обязанность и долгъ.

Если я не полюбилъ школы, такъ какъ ее слѣдуетъ полюбить, разумною любовью, а не увлеченіемъ, которое проходить, за то мнѣ скучно теперь по той средѣ, въ которой мнѣ приходилось дѣйствовать, и которую я теперь оставилъ. Много хорошаго и дурнаго было въ ней, и то и другое мнѣ нравилось потому, что все это было для меня ново, а что ново то и интересно.

И теперь въ воображеніи моемъ рисуется прощальный мой отъѣздъ изъ Алябьева. Запряженные сани стоятъ около волостнаго правленія; толпа мальчишекъ окружаютъ сани, нѣкоторые взлѣзли на сани и разматриваютъ мои вещи; въ сосѣднихъ избахъ стоятъ у дверей разряженные бабы съ намѣреніемъ посмотреть, какъ я уѣду. Въ волостномъ правленіи стою я, уже одѣтый въ дорогу, предо мною стоитъ старшина съ полштофомъ въ рукахъ и спрашиваетъ послѣднюю выпить на дорогу; на глазахъ его показывается что то въ родѣ слезъ. Онъ со мною крѣпко, крѣпко цалуется, и проситъ непременно писать ему, гдѣ бы я ни былъ, и что онъ тоже будетъ писать. Въдь бываетъ, говорить, что вы зануждаетесь, а то я... Ну, не слѣдуетъ забывать старыхъ знакомыхъ. — Старшиниха сидитъ на лавкѣ и плачетъ. Ей скучно теперь будетъ безъ меня. Бывало при мнѣ, она уйдетъ куда-нибудь и не заботится о домѣ, потому что дома я: «а теперь и въ чуланъ буду бояться заглянуть, говорить она, все будетъ казаться, что ты тамъ». Мель-

никъ тоже, узнавъ что я ѣду, прикатилъ въ санихъ къ волостному правленію. «Ахъ, исторія какая! говоритъ онъ, я и не зналъ этого!» Онъ меня упрощиваетъ пріѣхать назадъ—я отказываюсь; послѣ тщетныхъ просьбъ онъ упрощиваетъ меня заѣхать отъ старшины къ нему. Мы уже на дворѣ. Мельникъ садится въ свои сани, я въ свои, старшина со мною. Изъ сосѣдней избы выходитъ девяностолѣтній старикъ Григорьичъ. Кряхтя и охая онъ подходитъ къ санямъ. «Прощай Ф—чъ! Не захотѣлъ хоть до Святой остаться у насъ. И медкомъ я тебя не поподчивалъ! Прощай милый другъ.» Онъ жметъ мнѣ руку, мы цалуемся. «Ф—чъ! говоритъ онъ потомъ. Не хочешь ли ветчинки на дорогу? У мсня есть кусочикъ. Жирная.» —Нѣтъ, спасибо!—А то возьми! Ужъ какъ жаль мнѣ тебя, другъ милый.—Ну, трогай, говоритъ старшина.—Сани тронулись, нѣсколько мальчишекъ вцѣпилось за сани съ намѣреніемъ прокатиться, сзади пронесся прощальный крикъ нарядныхъ бабъ: «прощай Ф—чъ!» нѣсколько встрѣтившихся мужиковъ сняли шапки, и чрезъ минуты двѣ мы были у мельника. Мельникъ суетится. Главный предметъ его суеты была красненькая. Толстая мельничиха, вчера только подравшаяся съ мельникомъ, о чемъ уже знала цѣлая деревня, спрашиваетъ меня о моемъ здоровьи; я, разумѣется, благодарствую. Появляются дѣти мельника, мои два ученика. Мельничиха уходитъ за жаренымъ гусемъ. «Вотъ учитель вашъ уѣзжаетъ»—обращается мельникъ къ дѣтямъ. У него въ одной рукѣ полштовъ, въ другой подносъ съ двумя рюмками, на глазахъ какая-то влага. «Уѣзжаетъ вашъ учитель, поди поцалуй ручки у учителя».—Что, Микитъ, побѣдемъ со мною? говорю я младшему сыну отъ нечего говорить?—Нѣтъ, не хочу говорить Микитка. «Хе, хе, хе! раздражается мельникъ, — исторія! право исторія! Какъ ты смѣешь говорить учителю *нѣтъ!*» Является мельничиха съ гусемъ, глаза у ней стали влажные. «Ужъ какъ жалко намъ, что вы уѣзжаете отъ насъ,» говоритъ мельничиха. Послѣ красненькой съѣдается гусь. Все время идетъ интересный разговоръ о воспитаніи, приправляемый мельниковыми исторіями. Мельничиха рассказываетъ мнѣ, что они нанимали двухъ учителей изъ дворянъ и указываетъ на старшину: вотъ они, говоритъ, знаютъ. —

Текъ-съ, отвѣчаетъ не много посоловѣвшій старшина.—Да только тѣ учителя, говоритъ мельничиха, ничего не дѣлали, а обходились до 30 рублей въ годъ, кромѣ чаю, ѣды... Еще должна была, говоритъ, каждое утро подавать имъ умываться, и полотенцами моими утирались, потому голыши были!»

Мельникъ упрасиваетъ, чтобъ я непременно другаго учителя прислалъ, и не забыть напомнить про него, что мельникъ дескать и два цѣлковыхъ не пожалѣетъ, и угощеніе будетъ дворянское, только подъ крыло бы подогнуть.—Пора ѣхать наконецъ говорю я. Всѣ встаютъ.—Еще на дорогу!—и мельникъ подноситъ мнѣ красненькой. Настала минута прощанія. Я облобызался со всѣми, мельникъ утиралъ влажные глаза, мельничиха плакала, мельникова дочь тоже не знаю почему заплакала даже работникъ мельниковъ, котораго я въ первый разъ видѣлъ, сталъ утирать кулакомъ глаза. «Про-о-щайте!» крикнулъ кто-то мнѣ когда я отъѣхалъ сажень съ 15 отъ мельницы. Я огляндуся еще разъ: одна мельничиха еще стояла и глядѣла вслѣдъ намъ. Мы ѣдемъ,—дорогой старшина говоритъ мнѣ, что нужно еще заѣхать къ священнику. Мы пріѣхали къ священнику, тотъ же привѣтъ, тоже радушіе, тоже прощаніе. Полчаса у священника, а тамъ прощай совсѣмъ Алябьево! Будетъ ли продолжаться Алябьевская школа?

Закончу свои замѣтки отчетомъ двухмѣсячнаго преподаванія: половина ребятъ довольно порядочно читали, другая половина пытались читать безъ складовъ. Изъ ариѳметики 6 мальчиковъ дѣлали сознательно умноженіе, мальчика 4 — сложеніе и вычитаніе. Изъ св. исторіи разказывали о Іосифѣ. Было два урока пѣнія, данные священникомъ, которые священникъ намѣренъ былъ продолжать, когда школу переведутъ ближе къ нему, въ домъ пожертвованный для школы одной помѣщицей. Но домъ потомъ былъ проданъ старшинѣ и употребленъ на кабакъ.

М. Б.

ПОПЫТКА УЧИТЕЛЬСТВА ВЪ ЧАСТНОЙ ШКОЛѢ ОДНОЙ ИЗЪ ДЕРЕВЕНЬ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Прошедшій декабрь и начало января настоящаго 1863 года, мнѣ случилось провести въ одномъ сельцѣ Казанской губерніи, С—вѣ, въ 26 верстахъ отъ Казани. За два мѣсяца до моего пріѣзда въ него, изъ крестьянскихъ мальчиковъ въ немъ образовалась школа. Пользуясь свободнымъ временемъ, я началъ заниматься съ этими мальчиками, и учительствовалъ у нихъ во все время, пока жилъ въ сельцѣ. Замѣтки объ этомъ учительствѣ представляю здѣсь.

Считаю долгомъ предварительно разказать о началѣ самой школы со словъ ея учителя, бывшаго воспитанника духовной семинаріи, И—ва. Съ небольшимъ два мѣсяца тому назадъ, въ половинѣ прошлаго ноября, одинъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ, лѣтъ 10, пришолъ къ И—ву съ просьбою «поучить его въ грамотѣ». И—въ согласился и началъ съ нимъ заниматься. Мальчикъ этотъ, годъ тому назадъ, началъ было учиться у какой-то старухи, но покончилъ съ ней складами. Учился онъ прежде по азбукѣ церковной: азъ, буки. И—въ началъ учить его по «а, бе». Черезъ нѣсколько дней явилось къ И—ву еще нѣсколько мальчиковъ за тѣмъ же; черезъ двѣ недѣли ихъ составилось уже 10. Почти всѣ они знали ужъ название буквъ по церковному, разумѣется: кто учился у солдата или старухи, а другіе переняли по наслышкѣ уже отъ этихъ И—въ началъ ихъ всѣхъ учить по гражданскому букварю;

мальчики затруднялись и постоянно сбивались на букварь церковный: «бе-а-ба, ве-а-ва», а дальше и собьется на «глаголь-азъ-га, добро-азъ-да». Вскорѣ они начали просить И—ва учить ихъ по церковному, тотъ началъ учить какъ имъ хотѣлось — и дѣло пошло замѣтно скорѣе. Занимались всѣ часовъ по шести въ день въ одной изъ комнатъ господскаго дома (всѣ С—кіе крестьяне — временно-обязанные г-жи К—ой); читали по букварямъ изданія св. Синода; буквъ ни мѣломъ ни чѣмъ не писали, потому что въ школѣ не было ни большой аспидной ни деревянной черной доски, а писать на оштукатуренныхъ стѣнахъ комнаты было не удобно. Такъ какъ школа помѣщалась въ господскомъ домѣ, то ученики сидѣли въ ней тихо и держали себя какъ-то не свободно. Въ первыя дни школы И—въ вздумалъ было переписать для себя имена и фамилии своихъ учениковъ; чрезъ два дня одинъ изъ мальчиковъ сказалъ ему, что половина ребятъ хочетъ оставить школу, потому что онъ переписалъ учениковъ и, говорятъ, хочетъ отвезти эту бумагу въ Казань, а оттуда пріѣдутъ за переписанными ребятами и отвезутъ ихъ въ казаки. Списокъ назавтра же былъ изорванъ при ученикахъ.

Со временемъ число учениковъ увеличивалось, и къ половинѣ декабря ихъ набралось 17 человекъ (въ С—вѣ всѣхъ дворовъ 27); изъ этихъ, впрочемъ, двое, больше другихъ занятые домашними работами, являлись не каждый день. Одинъ изъ нихъ былъ 16-ти, остальные отъ 8-ми до 12 лѣтъ. Большая часть ребятъ, приходя въ первый разъ въ школу, какъ-то робко посматривала на учителя; одинъ готовъ былъ даже заплакать, при чемъ другой, проучившійся въ школѣ уже нѣсколько дней, очень бойкій мальчикъ, утѣшалъ его тѣмъ, что ему бояться нечего, что въ школѣ его «небось не будутъ таскать за чупрынкъ, какъ бывало дѣлывалъ солдатъ». Вообще, немного поприглядѣвшись, ребята скоро свыкались со школой и учителемъ. Впрочемъ они постоянно сидѣли по мѣстамъ и, по близости къ школѣ комнатъ помѣщицы, не прыгали и не боролись. Отцы ребятъ были довольны ученьемъ. Они не указывали учителю, какъ учить погражданскому или поцерковному: «ты самъ это дѣло понимаешь лучше нашаво», говорили

они, но все-таки замѣтно было, что имъ стало пріятнѣе, когда ихъ ребята перестали учиться «по казенному» *, т. е. по «а, бе...» Отцы уполномочивали учителя, въ случаѣ надобности, таскать ребятъ и «за чупрынь». Занимаясь дѣлами по хозяйству въ господскомъ домѣ, И—въ не всегда сидѣлъ съ учениками въ школѣ, а иногда и манкировалъ этимъ дѣломъ, и ребятамъ частенько приводилось сидѣть въ школѣ однимъ. Вслѣдствіе этого къ декабрю три ученика возвратили ему буквари и перестали посѣщать школу, потому что въ ней «мало ученья». (Одинъ, впрочемъ, изъ этихъ трехъ, наслушавшись разказовъ отъ бывшихъ товарищей своихъ, что они ужъ начали писать азы и понимаютъ цифирь, снова началъ ходить въ школу и занимается прилежно). Постоянныхъ учениковъ, такимъ образомъ, къ половинѣ декабря составилось 12 человекъ; къ нимъ присоединилась еще одна дворовая дѣвочка лѣтъ 9-ти. Отдавая свою дочь въ школу, мать ее говорила, что нынче «время пошло мудреное» и что неграмотной скоро и замужъ трудно будетъ попасть.

Въ такомъ положеніи засталъ я С—кую школу въ половинѣ декабря. По случаю наступленія праздниковъ и, вслѣдствіе того, уборки въ комнатахъ, школа была перемѣщена во флигель господскаго дома. Подъ нее отвели въ верхнемъ этажѣ ни кѣмъ ни занимаемую очень помѣстительную комнату, представляющую для ребятъ полное удобство; возиться они могли здѣсь сколько душъ любо, не безпокоя никого; развѣ только, когда всеобщій паеосъ достигнетъ ужъ крайне большаго размѣра, выйдетъ изъ кухни, помѣщающейся въ низу флигеля, поваръ и прикрикнетъ на ребятъ, а когда въ школѣ учитель, то ребята и отъ повара не ждали ни какого контроля: — «да,

* Я спросилъ у одного крестьянина, отчего ему больше нравится церковная грамота, а не гражданская? Онъ мнѣ на это высказалъ ту мысль, что по церковному учатъ солдаты и разные прохожіе учителя, а если такому учителю мужикъ отдастъ въ науку сына, то онъ все-таки мало-мальски научится «мароквать въ книжкѣ», а по гражданской азбукѣ, — «по казенному» (какъ называлъ ее крестьянинъ) учатъ въ казенныхъ школахъ «да только отъ тѣхъ ребятъ пути-то какъ-то мало живетъ, хотя и учатся подолгу.»

небось онъ не смѣтъ теперь сюда нось-то показать», бывало скажетъ рѣзвый Филька, лукаво подмигнувъ ребятамъ. Стѣны новой школы были отданы въ полное распоряженіе учениковъ, и въ самое короткое время были исписаны мѣломъ; выбѣленная печь подверглась той же участи отъ угля.

Когда я явился въ первый разъ въ школу, ребята, какъ и надобно было ожидать, нѣсколько стѣснялись новаго человѣка; но эта застѣнчивость скоро прошла, и они начали свыкаться со мной. Въ школу пришолъ со мной еще товарищ мой, студентъ духовной академіи (но онъ дня черезъ четыре пересталъ ходить въ школу). Мы начали почитывать съ ребятами. Двое изъ нихъ читали св. исторію, приложенную при букварѣ, четверо — молитвы по тому же букварю, остальные читали склады. Всѣ они были народъ веселый и улыбающійся, и почти ни въ комъ не было замѣтно забитости; только одинъ изъ нихъ показался мнѣ, съ перваго взгляда, какимъ-то глупенькимъ, но послѣ я увидѣлъ, что первое впечатлѣніе меня обмануло относительно его, и если Тимошка (такъ звали этого мальчика) въ продолженіе слишкомъ мѣсяца не подвинулся дальше «буки-азъ-ба», то еще не извѣстно кто въ этомъ виновать—онъ ли, или учившіе его: быть можетъ способъ ученія легкій для прочихъ, труденъ для него, а что онъ неглупый мальчикъ—я вполне убѣдился послѣ. Первый день былъ проведенъ нами въ чтеніи по складамъ и разказахъ изъ ветхаго завѣта. Ребята занимались и слушали прилежно, а порой, которые посмѣлѣе, выходили на средину комнаты съ явнымъ желаніемъ маленько побарахтаться, но все еще посматривали на учителя, какъ-то ему понравится это. Я не говорилъ имъ ни слова, и они понемногу начинали свои гимнастическія упражненія, и только посмѣивались, глядя на меня.

На другой день я написалъ на стѣнѣ мѣломъ цифры до 10. Ребята ихъ списывали тоже мѣломъ на стѣнахъ. Одинъ изъ мальчиковъ, Данило, лѣтъ 12-ти, запомнилъ цифры въ тотъ же день; всѣ другіе ученики—знака по-три и по-четыре. Этотъ Данило замѣчательная натура. До меня онъ читалъ по складамъ молитву въ букварѣ, и читалъ вяло, къ тому же онъ нѣсколько заикается. Онъ не обратилъ на себя особеннаго вни-

манія И—ва и самими ребятами считался за посредственнаго. Въ первый же день подошлъ ко мнѣ очень недурной лицомъ бѣлокурый мальчикъ съ задумчивымъ выраженіемъ и прекрасными темными глазами, и просилъ меня вмѣсто молитвы, которой онъ непонималъ (молитвы «возставши отъ сна»), начать съ нимъ читать св. исторію. Это былъ Данило. Онъ замѣтилъ, прислушавшись къ чтенію ея двумя другими мальчиками, что св. исторія будетъ полегче для его разумнѣя, чѣмъ молитва. Другіе на такой скачекъ едва ли рѣшились бы; даже когда, научонный примѣромъ Данилы, я совѣтовалъ самъ и другимъ ребятамъ то же сдѣлать, многіе смотрѣли на меня какъ-то недовѣрчиво и задумывались, ладно ли будетъ прокинуть нѣсколько листковъ въ книжкѣ. Мы начали съ Данилой читать по складамъ св. исторію; прочитавши до точки, онъ то-же писалъ мѣломъ на стѣнѣ, и писалъ довольно вѣрно печатными буквами. Когда на стѣнѣ оставалось незаписанное мѣсто, онъ непрочъ былъ «накачать» тутъ какую нибудь утку, или что нибудь въ родѣ того. Когда онъ запомнилъ первыя девять цифръ, мы перешли съ нимъ къ десяткамъ. Я объяснилъ ему, что десятки стоятъ на второмъ мѣстѣ отъ правой руки, что знакъ 0 значить «ничего», что десять пишется—палочка съ оникомъ. Но Данило началъ развивать нумерацію по своему. Онъ забылъ и вторыя мѣста и палочки съ ониками: «въ десяткѣ только и есть что одинъ десятокъ, а больше ничего; такъ я и напишу одинъ 1, да подлѣ него ничего 0,—сказалъ онъ. Одиннадцать будетъ—одинъ десятокъ да еще одна; двѣнадцать — десятокъ да двѣ; двадцать — два десятка, да больше ничего нѣтъ». Такимъ образомъ онъ могъ, хотя не скоро, писать какое угодно число до 100. Ну, а сто ты какъ напишешь? спросилъ я — «А то и напишу, что десять десятковъ 10, да больше ничего 0.»—А сто десять какъ? «Одиннадцать десятковъ да больше ничего ничего нѣтъ». Признаюсь, что въ первый моментъ я не повѣрилъ ему, потому что въ ста-десяти идея одиннадцати не бросается съ перваго раза въ глаза. Но потомъ тотчасъ же я, разумѣется, согласился съ нимъ. Если бы пришлось мнѣ показывать ему, то я непременно сталъ бы толковать ему по-своему, по заученному, что на третьемъ-де

мѣстѣ стоитъ единица, которая означаетъ сотню; для изображенія десятка надобно-де и на второмъ мѣстѣ поставить единицу, а на первомъ мѣстѣ, за неимѣніемъ единицъ—нуль. Чье объясненіе будетъ легче и нормальнѣе, мое или Данилино, читатель можетъ видѣть самъ. Научившись такимъ образомъ нумераціи до тысячи, Данило ужь пересталъ исписывать ими стѣны, какъ дѣлали другіе ребята, и не охотно начиналъ писать ихъ, когда я просилъ его. Значить его утомляетъ повтореніе того, что уже вполнѣ уяснено имъ. Мы крѣпко свыклись съ Даниломъ.

Другіе мои ученики обнаружили различные характеры. Филька, напимѣрь, маленькій, черненькій мальчикъ, бойкой прыгунъ, постоянно веселъ. Читалъ онъ прежде вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Аванасьемъ, совершенно противоположнымъ ему по характеру. Они—неразлучные друзья, даже и мѣлъ у нихъ одинъ. Какъ сошлись они, не знаю. Аванасій, бывало, твердитъ себѣ подъ носъ: «что ты меня здрава и невредима...» а Филька почитаетъ немного съ нимъ, подбодрится фертомъ да и пойдетъ отплясывать, — только посмѣивается, да приговариваетъ глядя на меня: «эхъ, Александрушко!» Если начнешь читать какую нибудь сказку или рассказывать что нибудь, и рассказъ пойдетъ вяло,—Фильки ужь и нѣтъ подлѣ; онъ давно ужь барахтается съ кѣмъ нибудь или похаживаетъ фертомъ. Но будь это рассказъ въ самомъ дѣлѣ занимательный для ребятъ, Филька оставитъ свои черненькіе глазенки себѣ въ колѣни, какъ-то особенно сожметъ губы и весь превратится во вниманіе,—и горе тому, кто хотя не намѣренно нарушитъ рассказъ. Данило больше задумчивъ, Филька постоянно смѣется; Данило больше сидитъ на одномъ мѣстѣ, Филька больше трется среди школы; Данило постоянно что-нибудь дѣлаетъ, посматривая по временамъ на ребятъ, Филька любитъ все дѣлать сразу, и если онъ читаетъ или пишетъ, его вниманіе совершенно приковано къ дѣлу; у Данилы дома есть балалайка, Филька пляшетъ лучше всѣхъ въ деревнѣ. Помню я, однажды Филька читалъ свою молитву и слово «радостнымъ» онъ постоянно произносилъ «радоснымъ», а я настаивалъ, чтобы онъ не прокидывалъ буквы т. Филькѣ это наскучило.

Онъ взглянулъ на меня недовольный: «да вѣдь это такъ только въ книжкѣ писано, а говорить-то, чать, надо радостнымъ», — сказалъ онъ. Въ другой разъ я читалъ не помню какую ту сказку изъ ясно-полянскон книжки. Ребята мои боролись среди комнаты, и мнѣ признаюсь, хотѣлось отвлечь ихъ чтеньемъ отъ игры. Ко мнѣ пристало человекъ пять и, въ томъ числѣ, Филиппъ. Сказка интересовала его, да и борьба среди комнаты не кончалась. Живая натура Фильки была точно будто между двумя огнями; онъ началъ все пристальнѣе и пристальнѣе поглядывать на борящихся, а наконецъ не вытерпѣлъ и, сказавъ мнѣ «ты постѣ-ка, постѣ», бойко выскочилъ на серединку и чрезъ минуту ужъ сидѣлъ верхомъ на одномъ толстенкомъ мальчишкѣ, заливаясь самымъ звонкимъ смѣхомъ. И такъ попытка моя отвлечь ребятъ чтеньемъ отъ игры была напрасна, но когда ребята побарахтались въ волю, тотъ же Филька началъ упрашивать меня снова прочитать сказку сначала. — Григорій, тотъ самый, который прежде всѣхъ обратился къ И—ву съ просьбой учить его, очень хорошенькой блондинъ съ чрезвычайно явнымъ лицомъ и голубыми кроткими глазами, — натура чрезвычайно симпатичная. Онъ отличается замѣчательной опрятностью. И онъ, какъ Филька, постоянно улыбается, только вы его уже рѣдко увидите «откачивающимъ трепака или сидящимъ у кого нибудь на спинѣ. Григорій поступилъ въ школу раньше всѣхъ, но замѣтно отсталъ отъ своихъ товарищей, въ чемъ, конечно, виновата не его кроткая, прекрасная натура, но неумѣніе учителей увлечь его. Не могу не вспомнить еще о косенькомъ Тимошкѣ, о которомъ я уже говорилъ раньше, что съ перваго раза я почелъ его глупымъ. Явившись впервые въ школу съ букваремъ, онъ въ первый день сидѣлъ въ сторонѣ отъ всѣхъ и готовъ былъ заплакать. Значить въ школу онъ явился не по своему желанію, а потому что его послалъ туда отецъ. На другой же день эта робость прошла, но съ самаго поступленія своего, почти въ два мѣсяца, онъ не подвинулся дальше «буки-азъ-ба». Въ школѣ онъ чинно рассказываетъ взадъ и впередъ, какъ будто взрослый, хотя ему всего не больше лѣтъ 9-ть; то надѣнетъ на руку какую нибудь старую перчатку и говоритъ, что ему те-

перъ тепло; то выдѣлываетъ на стѣнахъ какіе-нибудь каракули, — «балуель мѣломъ» — какъ выражаются ребята. Онъ страстно любилъ птицъ. Если онъ увидитъ гдѣ нибудь нарисованную птицу, — его аханью и щелканью языкомъ не бываетъ конца. Ему хочется и самому изобразить какую нибудь птицу, но его попытки производятъ общій смѣхъ между ребятами. Если съ Тимошкой поговорить о чемъ нибудь изъ его обыденной жизни, легко можно замѣтить, что онъ далеко не глупѣе многихъ ребятъ. Когда дается ему «ученье» то дѣйствительно ли оно нужно для него въ той формѣ, въ какой обыкновенно но предлагается, не знаю.

Всѣ ребята спустя дня три — четыре послѣ того, какъ я началъ съ ними заниматься, совершенно свыклись со мной. Нѣкоторые спрашивали у меня долго-ли я пробуду у нихъ и просили тебя «наняться» учить ихъ. Одинъ изъ мальчиковъ спросилъ меня: «ты чаво дѣлашь въ казани-то»? — Другой указалъ на мои пуговицы. «А, ребята, онъ ишь пуговицы дѣлать» — подхватилъ бойкій Филька, и въ ту же минуту былъ осмѣялъ ребятами; ребята заключили что я «въ писаряхъ». Сначала всѣ звали меня «дядинькой», потомъ узнали отъ дворовыхъ какъ меня зовутъ и величаютъ; Филька постоянно звалъ меня «Александрюшкомъ».

Занятія наши пошли какъ нельзя лучше. Каждый день, часовъ въ десять утра, приходилъ я въ «холостую» (такъ называется флигель, гдѣ помѣщается школа), и заставлялъ въ ней ребятъ, — которыхъ за книгами, которыхъ у стѣнъ съ кусочками мѣла или, за неимѣніемъ его, съ угольками, а иныхъ и борющихся среди школы. Какъ только являюсь въ школу, со всѣхъ сторонъ слышу просьбы: «мнѣ мѣльцу; мнѣ-то, мнѣ мѣльцу!» Начинается одѣленіе всѣхъ мѣломъ. Сначала я раздавалъ ребятамъ мѣлки разнаго сорта, — кому простой комочикъ, кому отломочекъ отъ мѣлка оставшагося отъ карточной игры. Это начало было возбуждать небольшого рода зависть въ тѣхъ, кому доставался мѣлокъ «безъ золотца». — Ишь ты больно!.. Петькѣ-то, небось, съ золотцомъ мѣлець далъ, а мнѣ простой» — сказалъ мнѣ однажды Филька. Я началъ послѣ раздавать всѣмъ одинаковые кусочки мѣла. Разобравъ мѣлъ, кто

лѣпится на лавку у стѣны, кто ложится на лавку (а кто и— на полъ) и начинаютъ писать: одинъ печатныя буквы, другой цифру, иной—какойнибудь домъ или мельницу, — кому что придѣтъ въ голову. Часъ письменнаго наконецъ проходитъ. Сначала одинъ, за нимъ другой, а тамъ и остальные прячутъ «мѣльцы» въ карманъ и принимаются за буквы, и тутъ только и слышишь со всѣхъ сторонъ «миѣ-то скажи»: — Ну-ко послушъ ладно ли я»; — «ишь та больно все съ Ванькой-та! — ты ко миѣ-та идиткость» — показыванье состоитъ въ томъ, что подхожу къ мальчику и читаю по складамъ изъ букваря строчки двѣ-три; мальчикъ повторяетъ за мной. За тѣмъ читаю тоже безъ складовъ, — «по верхамъ», какъ говорятъ ребята; мальчикъ повторяетъ за мной. За тѣмъ читаю тоже — тоже повторяетъ. Если попадется какоенибудь трудное слово, стараемся себѣ какънибудь объяснить, только, къ несчастію, по крайней мѣрѣ четыре слова на строчку бываюгъ изъ молитвъ ребятамъ не понятны. И видно, что ребенокъ силится уяснить себѣ слово и попасть на смыслъ его, но слово не поддается ему: вмѣсто «хлѣбъ насущный» — у него дѣлается «хлѣбъ насущенный» и т. п. Объяснивъ «кое-какъ» понятными для мальчика словами смыслъ пункта, я оставляю его читать одного; если какое слово онъ не можетъ скоро прочесть, добирается опять по складамъ. Когда онъ будетъ въ состояніи скоро и вѣрно читать этотъ пунктъ, мы переходимъ съ нимъ такимъ же порядкомъ къ другому. Часто попадаются такія слова, которыя не легко поддаются ребятамъ по трудности произношенія; — таковы напр. слова: «богоблагодѣтный», «идолопоклонниками», «всѣдѣйствующія» и т. п.; съ трудомъ также выговаривали ребята не столько, казалось бы, трудное слово: «ханаанскую». Въ С—кѣ есть одинъ мужикъ прозывающійся Калабановъ, и у ребятъ моихъ вмѣсто «въ землю ханаанскую» вдругъ какъ-то вышло «въ землю калабанскую». Ну, разумѣется, по этому поводу и происходилъ общій смѣхъ. — Чтеніе продолжается часовъ до двѣнадцати; за тѣмъ ребята отправляются по домамъ обѣдать.

Черезъ часъ снова приходимъ въ школу, и снова, такимъ же порядкомъ, начинается прозба «мѣльца» и письмо, а за-

тѣмъ и чтенъе. Нужно замѣтить, что строгаго распредѣленія времени на часы письма и чтенья вовсе не было; иные, бывало, въ то время когда большинство читаетъ, — пишутъ (Данило, напримѣръ, любить постоянно писать), и на оборотъ, а другіе въ тоже время, пожалуй, и борются. — Говоря о борьбѣ, я вовсе не имѣю права сказать, что изъ моихъ учениковъ нѣкоторые были невнимательны, я мало помню такихъ дней, въ которые бы каждый изъ мальчиковъ не почиталъ своихъ молитвъ или складовъ и не «пописалъ азовъ» съ замѣтнымъ стараньемъ, и если дѣйствительно было такихъ дня, кажется, два, когда вниманіе ребятъ было занято посторонними вещами (однажды по поводу свадьбы, праздновавшейся у одного крестьянина въ С—вѣ, а въ другой разъ — потому случаю, что Филька напелъ гдѣ-то изломанный перочинный ножишко, и потому всѣ занимались разсматриваніемъ такой находки и оцѣнкой ея), однако, какъ я замѣтилъ, всѣ ребята послѣ этого занимались съ большимъ прилежаніемъ. Позанявшись чтеньемъ часовъ до трехъ, ребята начинали пресить меня разказать что нибудь имъ, или почитать какую нибудь сказку. Я разказывалъ что-нибудь изъ ветхаго замѣта или читалъ изъ яснополянскихъ книжекъ какія-нибудь сказки. Во все время занятія въ школѣ прочтены мной слѣдующія сказки: 1) Дуняшка и сорокъ разбойниковъ. 2) Праведный судъ. 3) Три сестры. 4) Ложкой кормить, а стеблемъ глаза колеть. 5) Палецъ невидимка. 6) Какъ въ городѣ мальчика напугали. 7) Василій и Феодоръ. 8) Робинзонъ и 9) О томъ, какъ Бэръ отыскивалъ Франклина (последняя впрочемъ недочитана). Ребята слушали сказки съ большимъ вниманьемъ. Особенно понравились имъ: «Дуняшка и сорокъ разбойниковъ» (когда я дочиталъ до того, какъ Дуняшка сварила въ бочкахъ масломъ разбойниковъ, Филька отъ удовольствія щелкалъ языкомъ и постоянно повторялъ «вотъ-дыкъ знатно! — ай да Дуняшка!» Ему подражали и другіе.) «Праведный судъ», послѣ прочтенія котораго ребята много смѣялись и разказывали, какъ бы они стали говорить если бы были на мѣстѣ выведеннаго въ сказкѣ Баськи, и «Три сестры», которая плѣняла ребятъ фантастичностью картинъ. — Я однажды спросилъ ребятъ, умѣютъ ли они разказать мнѣ сказку, которую я про-

читалъ имъ и которая такъ замѣтно заинтересовала ихъ? — Они замялись и потомъ двое отвѣтили въ полголоса, что не знаютъ, — забыли, хотя по лицу, даже замѣтно было, что они хорошо помнили нить фактовъ и затруднялись только въ изложеніи ихъ словами; дома они разказывали своимъ почти все. Послѣ этого я не сталъ больше просить ихъ разказывать прочитанное имъ. — Часовъ около четырехъ ребята расходились по домамъ. Такимъ порядкомъ продолжались наши школьныя занятія.

Сначала всѣ писали, какъ я уже говорилъ, печатныя буквы и цифры на стѣнахъ мѣломъ. Я началъ замѣчать, что Данило гдѣ нибудь заберется въ уголокъ и старается списывать помѣщенные въ букварѣ письменныя буквы. Я написалъ ему на двери мѣломъ письменныя прописныя буквы и, подъ ними, строчныя. Онъ списалъ очень не дурно тѣ и другія, и послѣ того дня три съ особеннымъ стараніемъ писалъ мѣломъ строчныя буквы. Затѣмъ онъ попросилъ у меня бумаги и карандаша для упражненія въ томъ же дома. Примѣръ Данилы увлекъ другихъ ребятъ, и еще пятеро изъявили охоту списывать письменныя строчныя буквы. Я писалъ имъ для образца мѣломъ на стѣнахъ и сверхъ того каждому писалъ на страничкахъ для упражненія дома. Ребята переписывали буквы очень некрасиво (я впрочемъ и не настаивалъ, чтобы они старались о красотѣ буквъ); видно было, что ихъ увлекъ только примѣръ Данилы, начавшаго уже писать «по письменски», — отъ чего же не писать и имъ? — Только Аѳанасій писалъ довольно не дурно, хотя и много уступалъ Данилѣ, у котораго желаніе писать возникло само собой, не изъ подражанья. Вообще я замѣтилъ, что у Данилы есть стремленіе къ точности и красотѣ — Однажды я послѣ обѣда читалъ ребятамъ какую-то, не помню, сказку. Смотрю, Данило подошелъ къ печи, начертилъ на ней углемъ какую-то фигуру и вмѣшался опять въ толпу слушающихъ ребятъ. — Что ты это чертилъ? — спросилъ я его. — «Да солдата хотѣлъ списать,» — отвѣчалъ онъ улыбаясь. Я тотчасъ же начертилъ на печи углемъ фигуру солдата, и Данило счертилъ ее, — разумѣется, съ перваго раза, не совсѣмъ удачно. Стремленіе рисовать что-нибудь въ немъ обнаруживалось ясно.

Мнѣ вздумалось показать ему первые приемы черчения. Я сдѣлалъ ему альбомчикъ съ легонькими чертежами, и Данило счерчивалъ ихъ вполнѣ отчетливо. Онъ не торопился и не водилъ карандашемъ бойко, но всматривался по долгу въ мои чертежи и старался какъ можно точнѣе подражать имъ. Онъ жадно впитывался своими прекрасными темными глазами въ мой чертежъ, за тѣмъ быстро взглядывалъ на кончикъ своего карандаша и медленно-медленно велъ имъ по бумагѣ; на лицѣ его была замѣтна боязнь, что вотъ какъ-нибудь рука измѣпитъ ему и одна неправильная черта испортитъ все дѣло; легкой румянецъ игралъ въ это время на его щекахъ; наконецъ по губамъ пробѣгала улыбка, невольна вырывавшаяся, когда онъ сличалъ нарисованное имъ съ моимъ чертежемъ, вслѣдствіе сознанія, что у него вышло также вѣрно и хорошо. Да, онъ былъ подлинно прекрасенъ въ эти минуты, и смотрѣть тогда на него издали, — было для меня наслажденьемъ.

Всякій разъ, какъ Данило отправлялся изъ школы домой, онъ просилъ у меня бумажки «порисовать», и назавтра на этой бумажкѣ появлялись фантастическія церкви, солдаты, птицы и т. п.

Запасъ сказокъ легкихъ и понятныхъ для моихъ слушателей наконецъ истощился. Ни сказокъ изд. Худяковымъ, ни сказокъ Аванасьева подъ рукой у меня не было, а рассказы большіе, даже занимательные, какъ напримѣръ. «Робинзонъ» изъ Ясно-полянскій книжки, слушались уже довольно вяло, — больше половины ребятъ зѣвало. «О томъ, какъ Кэнъ отыскивалъ Франклина», но той же причинѣ я даже не кончилъ. Я задумалъ за неимѣніемъ сказокъ показывать ребятамъ книги съ картинками; это было удобно для меня, потому что подъ рукой было нѣсколько томовъ «Живописнаго Обозрѣнія». Книга съ картинками была принесена, и восторгамъ ребятъ не было конца; Филька такъ и прыгалъ надъ ней: «Чаво ребята все сказки! Вотъ—дыкъ картины!—Важно!» — Особенное вниманіе обращалось на звѣрей, птицъ, деревья. Шакалы, пантеры, тигры, фламинго, кокосы и т. п. превращались у насъ въ волковъ, собакъ, кошекъ, журавлей, березы. Тимошка съ птицами просто не хотѣлъ расставаться. Говоря о разсматриваніи кар-

тинъ, не могу не вспомнить одного факта. Пересматривая 1 книгу «Живописнаго Обозрѣнія» за 1838 г., мы встрѣтили на 201 стр. Гравюру со статуи Аполлона Бельведерскаго. Раздался общій смѣхъ, но было очень легко замѣтить, что это былъ не добродушный смѣхъ удовольствія, какой раждался при видѣ, напримѣръ, картины дерущихся солдатъ, или какимъ смѣется Тимошка при видѣ своихъ любимыхъ птицъ, а смѣхъ полный презрѣнія, показывающій что поза Аполлона казалась ребятамъ не приличной... но кромѣ этого смѣха ни одного не приличнаго намека не вырвалось у ребятъ. Вообще подобнаго рода картины вызывали, какъ я замѣтилъ, ребятъ только на смѣхъ; они тыкали въ нихъ пальцами и видно было, что не подозрѣвали въ нихъ вовсе ничего прекраснаго. Значить прекрасное въ такомъ видѣ не существуетъ для сельскаго мальчика.

Предъ отъѣздомъ моимъ изъ С—ва школа опять была помѣщена въ господскомъ домѣ по причинѣ поправки печи во флигелѣ. Ребятамъ дана полная свобода и здѣсь играть и бороться сколько душъ любо. (Но все-таки во флигелѣ имъ было свободнѣе). Въмѣсто мѣла ребятамъ дали карандашей и бумаги. Для упражненія поставленъ въ школу китайской билиардъ, и кругомъ него постоянно возится теперь человекъ пять, впереди которыхъ обыкновенно бываетъ Филька. Я замѣтилъ, что вычисляя и отмѣчая другъ-на-другъ призы, ребята легко привыкли къ сложенью въ умѣ (до сотни) и къ формѣ цифръ. Сначала они спрашивали у меня, какая тамъ-то цифра написана, или гдѣ отыскать такую-то цифру въ табличкѣ приложенной къ билиарду, а теперь ужъ отыскиваютъ сами.

Разказы ребятъ дома о школѣ и показываемыя ими собственноручныя прописи расположили отцовъ въ пользу школы. Они не только не жалуются, что въ школѣ ребятъ «балуютъ» и «не таскаютъ за чупрынкъ», но и не отказываютъ ребятамъ въ копѣйкахъ пяти-шести на карандашъ или бумагу. А сельской мужичокъ не рѣшится тратить и копѣйки добровольно на то, въ чемъ «не видимъ пути». Значить и въ нашемъ ученѣ отцы ребятъ увидѣли «путь». Некоторые изъ нихъ обѣщались даже положить плату П—ву за ученѣ ихъ дѣтей.

Передъ самымъ моимъ отъездомъ изъ С—ва, въ школу нашу захотѣли было поступить ребята изъ ближайшей деревни, О—ды (въ двухъ верстахъ отъ С—ва), но ихъ остановило основаніе при волостномъ правленіи въ самой О—дѣ казенной школы. Изъ С—вскихъ же крестьянъ ни одинъ не хочетъ отдать своихъ ребятъ въ новоустроенную казенную О—довскую школу; да и въ самомъ дѣлѣ жаль было бы предать на ломку какому нибудь полу-грамотному писарю изъ матросовъ такія прекрасныя натуры, какъ Данило или Григорій, а С—во ближайшее, да едва ли и не самое большое селенье въ О—довской волости. Для кого же тамъ будетъ школа *.

Къ половинѣ января С—вскіе ребята успѣли на столько: одинъ читаетъ по складамъ второй параграфъ изъ Священной Исторіи при букварѣ и пишетъ очень недурно прописью; цифры знаетъ очень хорошо; двое читаютъ седьмой параграфъ изъ исторіи и въ состояніи разбирать по складамъ все. Пишутъ письменныя буквы; цифры знаютъ; двое читаютъ первый параграфъ изъ исторіи по складамъ довольно тихо и за-

* Казенная школа въ О—дѣ при волостномъ правленіи совершенно почти бесполезна будетъ для волости. Въ самой О—дѣ всего дворовъ шесть; дѣтъ деревни (одна изъ нихъ большая—Саламыково) отстоятъ отъ нея на разстояніе двухъ верстъ, третья верстъ восьми, четвертая десяти. Нечего и говорить, что для крестьянскихъ мальчиковъ не совсѣмъ-то удобно путешествовать зимою по образу пѣшаго хожденія въ плохой одеждѣ въ школу за восемь и за десять верстъ; еще неслѣдуетъ думать, что отцы будутъ отвозить ихъ на лошадахъ въ школу или отдавать на хлѣбы кому нибудь въ О—довѣ. Это можетъ быть, пожалуй, прекрасной мечтой какого нибудь кабинетнаго цивилизагора, но невыполнимымъ дѣломъ для крестьянина. Итакъ на долю школы остается за исключеніемъ С—ва дворовъ шесть при волости, да еще небольшая деревенька въ двухъ верстахъ. А вѣдь учредители школы вѣроятно думали продовольствовать ею всю волость! Могутъ спросить; да отчего крестьяне неблагопріятно смотрятъ на казенныя школы? Не знаю какъ на это отвѣчать. Вотъ С—вскіе крестьяне такъ потому какъ-то неблагопріятно посматриваютъ на О—вскую вновь учреждающуюся школу, что видѣли уже примѣръ казенной школы при своей приходской церкви въ селѣ К—ахъ, гдѣ учительствуетъ священникъ. Тамъ какъ-то такъ странно дѣлаются дѣла, что ученики собираются въ школу только во дни посѣщенія ея штатнымъ смотрителемъ или директоромъ, да и тогда только, когда объ этомъ будетъ извѣстно за день въ селѣ, и слѣдовательно будетъ можно вытосить школу

пинаясь, пишутъ письменныя буквы, цифра знаютъ; одинъ читаетъ по складамъ молитвы и пишетъ письменныя буквы и цифры недурно; остальные читаютъ склады. Около 15 числа января я долженъ былъ выѣхать изъ С—ва въ Казань, и долженъ былъ прекратить мои занятія съ ребятами. Теперь съ ними снова начнетъ заниматься И—въ. Съ поправкой печи школа помѣстится опять во флигелѣ. На прощаньи ребята принесли мнѣ копѣекъ по пяти съ просьбой закупить имъ бумаги, карандашей и перьевъ и прислать. Они такъ крѣпко свыклись со мной, что право мнѣ было грустно разставаться съ ними.

ПИР—СКАЯ ШКОЛА.

Школа моя существовала не долго, всего три мѣсяца, и исторія ея — исторія неудачъ, въ которыхъ виновать отчасти я, отчасти постороннія обстоятельства.

Неграмотныхъ у меня было не много, большая часть учениковъ не только умѣла читать и писать, но знала даже первыя четыре правила ариѳметики; четверо неграмотныхъ, начавшіе учиться прямо у меня, до моей школы не бравшіе въ руки азбуки, черезъ мѣсяць начали читать; но съ учившимися прежде было не то. Съ самаго открытія школы пришолъ ко мнѣ мальчикъ лѣтъ 12-ти, онъ учился уже три зимы, но не смотря на то съ трудомъ читалъ по складамъ, да и то только по знакомой ему книгѣ. Я вздумалъ его учить съизнова, началъ съ нимъ учить склады на слухъ и ожидалъ, что дѣло пойдетъ хорошо. Но вышло не то: черезъ недѣлю Павлушка пересталъ ходить въ школу. Отчего онъ не ходитъ?—спросилъ я у ребятъ. — Да говоритъ, что школа не хороша, что это, говоритъ, за ученье — безъ книги читать учить. Черезъ нѣсколько времени та-же исторія повторилась еще съ двумя мальчиками. И я сознаю, что вполнѣ виновать въ томъ, что они оставили мою школу. Не зачѣмъ было переучивать, Павлушка три зимы мучался надъ букваремъ, и хотя выучился только разбирать кое-какъ по складамъ, все-таки ему не хотѣлось приниматься опять сначала, ему жаль было потерян-

наго труда; къ тому-же переучиванье вызывало насмѣшки со стороны другихъ ребятъ:—что, говорили они ему, три года учился, да опять видно съизнова надо переучиваться.

Выучкой грамоты съ чтеньемъ дѣло не кончается, надо выбирать книги для чтенья, а выборъ ихъ очень и очень не великъ. Есть, конечно, книги, которыя учитель не задумываясь дастъ всякому ребенку — это сказки, пѣсни и былины. Они читаются почти всеми съ наслажденіемъ. Но и тутъ бываютъ неудачи. Недавно мою школу оставилъ очень даровитый мальчикъ, Матюшка, именно оттого, что я постоянно давалъ ему эти книги, не замѣчая его любви къ книгамъ духовнаго содержанія. Разъ я далъ ему «Сказаніе о Россіи» кн. Львова, и надо было видѣть съ какой радостью онъ ухватился за эту книгу и только потому, что, какъ онъ говорилъ, въ ней есть и божественное. Любовь къ чтенью духовныхъ книгъ можно замѣтить у многихъ мальчиковъ, но удовлетворить ей трудно по дороговизнѣ книгъ этого рода: евангеліе только недавно стало доступно народу по цѣнѣ, библію же въ состояніи приобрести не только не всякій мужикъ, но и не всякій народный учитель. А пользоваться книгами въ родѣ житій святыхъ Муравьева—не стоить: хотя они и не дороги, но написаны темнымъ, высокопарнымъ языкомъ.

Ариѳметика обыкновенно ребятамъ дается туго, они легко справляются съ голыми цифрами, а когда дѣло дойдетъ до задачъ, они долго не знаютъ какъ къ нимъ приступить и только послѣ долгихъ упражненій свыкаются съ задачами. Но не смотря на это, они любятъ заниматься ариѳметикой. Только для того, чтобы поддерживать постоянный интересъ и давать постоянную работу голови, по моему, необходимо отбросить все различныя тройныя правила, потому что привыкнуть къ условнымъ приемамъ не трудно и задачи при помощи ихъ рѣшаются какъ бы по извѣстному рецепту. Правила эти облегчаютъ рѣшеніе задачъ, это правда, но на это, какъ мнѣ кажется, не слѣдуетъ обращать вниманія, каждый, оставивши школу, кромѣ счетовъ вѣроятно къ другому способу вычисленія не прибѣгнетъ. Ариѳметика, по моему, въ школѣ должна быть начальной логикой. Начавши прямо преподаваніе ея съ легкихъ

упражнений, можно довольно скоро дойти до решения довольно трудных задач. Но и, и этомъ необходимо слѣдить, чтобы ребяга ничего не дѣлали механически, а отдавали бы себѣ отчетъ въ каждомъ дѣйствіи. У меня почти все ребяга знали уже первыя четыре правила и я прямо перешолъ къ задачамъ на простое тройное правило (я задавалъ задачи по книгѣ для уѣз. учил.). Сначала дѣлю пошло очень плохо, долгое время безъ моей помощи не рѣшалась ни одна задача. Я часто обвинялъ учениковъ въ тупости и непониманіи самыхъ простыхъ вещей, а между тѣмъ все происходило только отъ недостатка навыка, и черезъ нѣсколько времени ребяга начали рѣшать безъ моей помощи довольно запутанныя и трудныя задачи.

О писаніи сочиненій я говорить не буду, чтобы не повторять того, что говорится объ этомъ въ описаніяхъ другихъ школъ. Школа моя существовала такое недолгое время, что писаніе сочиненій въ ней было еще на первой степени развитія. Замѣчу только, что у ребягъ, поступающихъ въ школу прямо изъ семьи, писаніе сочиненій идетъ почти всегда гораздо успѣшнѣе, чѣмъ у ребягъ ученыхъ уже въ другой школѣ. Долгое писаніе прописей и заучиванье наизусть св. исторіи часто довольно долго отзываются у нихъ. Неученый въ первое время съ трудомъ напишетъ полстраницы и начнетъ прямо, что нибудь въ родѣ того: «шолъ я учерась у школу, а для зводу зайць лежитъ.» Ученый-же, большею частью, самоувѣренно примется за дѣлю, но у него не видно ничего своего, онъ не напишетъ, какъ ему зайць устрѣлся, а напишетъ: «когда настало время искушенія рода человѣческаго, то...» и т. п. и доа се время еще у него можно встрѣтить въ сочиненіи слова въ родѣ препоисанія или листія.

Чтеніе, писаніе, арифметика и библія — предметы необходимые въ каждой школѣ, но однихъ ихъ недостаточно, чтобы школьныя занятія не сдѣлались однообразными и потому не утомляли бы ребягъ. Необходимы другіе предметы, — какіе именно, опредѣленно сказать нельзя, я думаю тѣ, къ которымъ какимъ нибудь образомъ у ребягъ возбужденъ интересъ. Такъ за разказы изъ есте т. исторіи я принялся совершенно случайно. Разъ вечеромъ ребята, оставшіеся ночевать въ школѣ,

разговорились о домовыхъ, привидѣнiяхъ, оборотняхъ, предметъ неистощимый, и разказъ за разказомъ не прерывались. Я подеблѣ къ нимъ и принялся объяснять, что домовыя и привидѣнiя—вздоръ и думалъ, что хоть сколько нибудь убѣдилъ ихъ въ этомъ. Но только что я кончилъ, вдругъ началъ Андрюшка: «а знаете ребята что на той недѣли у Павловыхъ въ овиноу случилось?» и начался опять тотъ-же нескончаемый разказъ. Но вслѣдъ за тѣмъ ребята начали просить меня, чтобы я разказалъ имъ опять, что разказывалъ въ тотъ вечеръ, и я, большею частью по вечерамъ, началъ разказывать имъ изъ естественныхъ наукъ. Разказы эти занимаютъ ребятъ, но и только, пользы они принести не могутъ. Черезъ нѣсколько дней имъ разкажетъ какiя нибудь дива дядя Акимъ, или дядя Пахомъ,— и они забудутъ мои разказы. Иначе, конечно, и быть не можетъ: естествен. науки требуютъ наглядности, а что для этого можетъ дать сельская школа? И я началъ свои разказы вовсе не съ цѣлью способствовать ими къ искорененiю предрасудковъ и суевѣрiй у ребятъ, они уничтожаются не такъ легко. Да и школа въ этомъ отношенiи не можетъ принести никакой пользы, какъ и въ дѣлѣ нравственнаго воспитанiя. Относительно воспитанiя, если возьмется за него, она можетъ принести даже только одинъ вредъ. Ребенокъ всегда неизмѣримо нравственнѣе своего воспитателя, и нравственно испорченнаго ребенка можно найти развѣ изъ сотни одного, да и то едва-ли. Что кажется если не безнравственнымъ, только дурнымъ мнѣ, то не кажется такимъ Андрюшкѣ или Павлушкѣ, и они всегда будутъ правы. Иногда впрочемъ бываетъ чрезвычайно трудно удержаться отъ посползновенiя на воспитательное влiянiе. У меня есть мальчикъ Павлушка, отличный и развитой, но его испортила школа: изъ него выработался типъ школьника. Часто онъ выводилъ меня изъ терпѣнiя своими школьническими замашками и выходками, но черезъ нѣсколько времени школа же, только при другой обстановкѣ, исправила его: онъ увидалъ, что нѣтъ сочувствiя его выходкамъ и мало по малу оставилъ ихъ (*).

(*) Кстати приведу примѣръ до чего можетъ довести страсть педагоговъ

Учениковъ въ моей школѣ все время было очень немного: школа стоитъ далеко отъ села и ребятамъ неудобно ходить въ нее, особенно въ морозы. Недавно же мужики объявили мнѣ, что если она будетъ помѣщаться на прежнемъ мѣстѣ, то они не могутъ посылать туда дѣтей.

И такъ школа моя кончилась, ребятъ она удовлетворяла, но удовлетворяла ли она народныя требованія отъ школы, этотъ вопросъ мнѣ часто приходилъ въ голову во время занятій. Объ этихъ то требованіяхъ я хочу сказать нѣсколько словъ. Требованія народа отъ школы еще не опредѣлились, не выяснились: мужики требуютъ, чтобы дѣтей ихъ учили читать, писать, ариметикѣ и Закону Божьему,—но развѣ въ этомъ можно видѣть какія нибудь особенныя, народныя требованья? Потребность образованія теперь только еще пробуждается въ народѣ, существуетъ еще пока первый фазисъ ея — потребность грамотности, но и на нее народъ смотритъ еще не какъ на одно изъ средствъ къ образованію, онъ ждетъ отъ нее прежде всего матерьяльныхъ выгодъ: выучится мальчикъ и его отдадутъ въ лавку или какимъ другимъ образомъ стараются извлечь матерьяльную выгоду изъ его грамотности. Самъ-же онъ еще не очень щедръ на пожертвованія для своего образованія: изъ громаднаго числа школъ открытыхъ въ послѣднее время, школъ открытыхъ самимъ народомъ очень мало. Винить его за это нельзя: потребность образованія еще не дошла въ немъ до того, чтобы народъ не довольствовался школами открываемыми для него дьячками, солдатами или даже священниками и началъ бы заводить школы самъ. Оттого же не видно еще и его требованій. Но можно, мнѣ кажется, положительно сказать, основываясь на характерѣ народа и его исторіи, что главнымъ основаніемъ для школы онъ положитъ религію. И

къ воспитанію. Въ послѣднихъ номерахъ губ. Тобольскихъ вѣдомостей напечатанъ проектъ о преподаваніи русской словесности уч. Плотникова. Онъ говоритъ, что нисшіе классы гимназій надо, если не помѣщать въ отдѣльныхъ зданіяхъ отъ старшихъ классовъ, то по крайней мѣрѣ, устроить для каждаго отдѣленія особые входы. Все это для избѣжанія нравственной порчи, которая происходитъ отъ сообщенія низшихъ классовъ съ высшимъ. А у насъ учатся и дѣвочки и мальчики, и нѣтъ надобности даже разсуживать ихъ по разнымъ комнатамъ.

конечно ему не понравится мертвая катехизическая метода, а потребуетъ методу историческую. А въ настоящее время много ли школъ удовлетворяютъ этой цѣли: одни гонятся за просвѣщеніемъ народа свѣтомъ естествен. наукъ, другіе просвѣщаютъ его соотвѣтственно казенной програмѣ, слѣдовательно кромѣ этой программы не руководствуются никакой другой мыслью, наконецъ третье — священники въ своихъ школахъ, преподавая катехизически, не могутъ сдѣлать многого. Видить ихъ въ этомъ конечно нельзя: большинство сельскихъ священниковъ открыло школы не по собственному побужденію, а въ силу побужденія сверху. Въ немногихъ ихнихъ школахъ можетъ быть дѣло и дѣлается какъ слѣдуетъ, но этихъ школъ вѣроятно очень не много. И изъ всѣхъ существующихъ нынѣ школъ, отвѣчающихъ народнымъ требованьямъ, можно считать очень мало. А слѣдовало бы всѣмъ народнымъ учителямъ постараться, чтобы школы были народными не только потому, что въ нихъ учится народъ, а чтобы они отвѣчали вполне на его нужды и требованія.

Г.

УРОКИ ПѢНІЯ.

(Изъ воспоминаній бывшаго уѣзднаго учителя.)

Прочитавши въ 4 № журнала «Ясная Поляна» объ обученіи пѣнію въ яснополянской школѣ, я рѣшился набросать нѣсколько словъ о преподаваніи пѣнія въ томъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ нѣкогда былъ учителемъ. Несомнѣваюсь, что мой легкій очеркъ не имѣетъ строгаго педагогическаго значенія, но будетъ любопытенъ какъ противоположность прежней формалистики пынѣшнему разумному и гуманному обученію.

Когда отъ попечителя нашего учебнаго округа было получено предписаніе, чтобы ученики уѣздныхъ училищъ обучались церковному пѣнію, Иванъ Николаевичъ Чернильниковъ, нашъ штатный смотритель, немедленно вошелъ ко мнѣ въ классъ, отозвалъ меня къ окну и спросилъ:

— Вѣдь вы, кажется, были пѣвчимъ въ гимназій?

— Былъ.

— И смыслите что нибудь въ пѣніи?

— Очень не много.

— Ради Бога помогите мнѣ! Его п — ству, г. попечителю, непременно угодно, чтобы въ училищѣ было введено церковное пѣніе; пріятно исполнить волю начальства; нужно намъ составить хоръ.

Я зналъ, что наше училище очень бѣдно и что ему придется скорѣе выть волкомъ, нежели платить деньги за уроки пѣнія, но смотритель держался отъ насъ въ такомъ выгодномъ отдаленіи, что въ его хозяйственные расчеты по училищу мы, учителя, входить не смѣли. При томъ это была личность, исполнявшая приказанія начальства безпрекословно, не изъ усердія, а только для того, чтобы выставиться. Для такихъ господъ училище хоть утони въ долгу по горло имъ и нужды нѣтъ. Они знаютъ, что расхлебывать придется ихъ преемнику, которому они преспокойно сдадутъ на руки вмѣстѣ съ казеннымъ имуществомъ и библіотекой — и казенные долги, а сами станутъ получать пенсію или перейдутъ въ другое вѣдомство, съ формуляромъ, украшеннымъ наградами и благодарностями за нововведенія и улучшенія. Иванъ Николаевичъ рассчитывалъ на послѣднее и служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія только для того, чтобы воспользоваться нѣкоторыми преимуществами относительно чиновъ, а по прошествіи 10-ти лѣтъ имѣть право опредѣлить дѣтей своихъ, на казенный счетъ, въ учебныя заведенія. До этого срока ему осталось дослужить не болѣе одного года; онъ уже имѣлъ въ виду выгодное мѣсто и потому на послѣдокъ ничто не могло остановить его рвенія на мнимую пользу училища, мнимую — такъ какъ оно нуждалось въ книгахъ, глобусѣ, географическихъ картахъ; однимъ словомъ въ вещахъ гораздо существеннѣе пѣнія.

— Непремѣнно надо составить хоръ. Пѣніе не только пріятно, но и полезно для дѣточекъ: оно укрѣпляетъ грудь, развиваетъ вкусъ, сказалъ смотритель.

— Да вѣдь здѣсь трудно достать учителя.

— Вотъ это-то меня и беспокоитъ, — особенно при небольшой платѣ. Какъ вы думаете, нельзя ли взять семинариста? — изъ нихъ нѣкоторые очень хорошо поютъ.

— Но вѣдь пѣтъ самому и учить — большая разница: учитель долженъ знать больше пѣвчаго и при томъ играть на скрипкѣ.

— Такъ пригласить ихъ регента.

— А какъ велико жалованье?

— Больше 15 рублей въ годъ училище дать не можетъ.

— Ну, помилуйте, Иванъ Николаевичъ, какой же регентъ возьмется учить за такую цѣну?

— Чувствую что мало, а надо искать. Впрочемъ, что же?—и трудовъ ему не Богъ знаетъ сколько. Сначала два разика, а тамъ и одного урока въ недѣлю достаточно. Да знаете ли что, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, возьмите эти уроки на себя, вѣдь вы поете славно—я слышалъ.

— Ахъ, Иванъ Николаевичъ, ну какъ же я ихъ могу учить, не играя на скрипкѣ.

— Все равно подъ гитару; какъ будто бы Богъ знаетъ какое нужно пѣніе! только чтобъ въ ладъ выходило.

— И на гитарѣ я не играю, а брянчу.

— Скромность и больше ничего. Вижу что вы хотите заставить меня поискать. Нечего дѣлать, пойду къ отцу Герасиму: нѣтъ ли у него знакомаго регента.

И штатный смотритель ушелъ, воображая, вѣроятно, какъ онъ выставитъ свое усердіе передъ директоромъ и распишетъ пѣвческіе уроки въ годовомъ отчетѣ.

Наконецъ въ одну изъ субботъ, когда у насъ послѣ обѣда ученія не бываетъ, въ мой классъ вошелъ высокій, широкоплечій, краснощекій дѣтина, съ пальцемъ, заложенымъ за пуговицу длиннополаго сюртука и неловко поклонившись, съ наклономъ головы нѣсколько на-бокъ и глупой улыбкой, сказалъ густою хриплою октавою: Сергѣй Григорьевъ Хлѣбогорскій учитель пѣнія.

Не успѣлъ я перекинуть двухъ словъ съ Хлѣбогорскимъ какъ меня потребовалъ къ себѣ смотритель.

— Извините, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, у меня опять до васъ просьба, все на счетъ пѣнія. Поговорите пожалуйста съ этимъ пѣвцомъ: смыслить ли онъ хоть что нибудь по своей части? Обѣщаетъ, что чрезъ двѣ недѣли могутъ пѣть уже въ церкви, а не знаю сдержитъ ли слово.

— Кто онъ такой?

— Причетникъ Успенской церкви; поведенія-то онъ трезваго и малый заботливый, смыслить ли только ноту?

Я вспомнилъ басню Крылова «Музыканты» и сказавши, что съ удовольствіемъ готовъ исполнить просьбу начальника, пошелъ къ Сергѣю Григорьевичу.

Онъ сидѣлъ въ классѣ, на окнѣ, показывая кулаки знакомымъ школьникамъ, изъ которыхъ кое-кто ходилъ подпѣвать къ нему на клиросъ. Впрочемъ, увидѣвши меня, онъ удержался, снова заложилъ палецъ за пуговицу и обратился ко мнѣ съ вопресительной миной.

— Вы играете на скрипкѣ? спросилъ я его.

— Неучень-съ, сказалъ онъ октавой.

— Какъ же вы намѣрены учить?

— А съ голосу.

— Ноты знаете?

— Крюковыя маракую не много.

— Съ голосу-то трудновато.

— У меня голосъ легкій; съ моего голосу сразу переймутъ; да кой-кого изъ здѣшнихъ-то молодець я ужъ признаться знаю; иной, почитай, всю обѣдню пропоеть безъ фальши, такъ что нечего и учить только спѣвка нужна, а остальные присноровятся. Въ это время вошелъ смотритель, объявляя, что пора кончить ученье, но чтобы ученики не расходились, потому что нужно пробовать голоса. Молитва была прочитана, учителя ушли, а я остался, желая посмотрѣть и послушать выборъ голосовъ. Учениковъ всѣхъ собрали въ одинъ классъ. Хлѣбогорскій сѣлъ за учительскій столикъ, вынулъ изъ кармана бумагу и карандашъ и потребовалъ списокъ фамилій.

— Иванъ Ивановъ, закричалъ онъ.

— Здѣсь.

— Подика сюда.

Ивановъ вышелъ.

— Пой, а...а...а...

— А...а...а... затянулъ, покраснѣвши, совсѣмъ не въ тотъ тонъ, Ивановъ.

— Да ты братъ не такъ, ты смѣлѣе, ротъ-то разинь, да и кричи а...а...а...

— А...а...а... изо всей силы завизжалъ Ивановъ, такъ что всё засмѣялись.

— Голосишка есть, а слуху мало, замѣтилъ, покачивая головою, Хлѣбогорскій. Ступай на мѣсто — и не записалъ его на свою бумажку.

— Сапожковъ Степанъ.

Сапожковъ—бойкій мальчикъ—вышелъ, поглядывая на зрителя и на меня и, опустивъ руки по швамъ, ожидалъ приказаній.

— Старый знакомый, сказалъ улыбаясь Хлѣбогорскій; ну, пой: а...а...а...

— А...а...а...

— Ну: Господи помилуй...

— Господи помилуй... запѣлъ Сапожковъ.

— Въ этомъ будетъ толкъ, замѣтилъ Хлѣбогорскій и записалъ его на свою бумажку.

Такимъ образомъ онъ перепробовалъ всѣхъ и выбралъ чело-вѣкъ двадцать, которыхъ и оставилъ въ классѣ, а остальныхъ отпустилъ.

— По славянски, братцы, всѣ-ли читаете?

— Всѣ читаемъ, всѣ,—закричали дѣти.

— Ну и ладно. Слушайте-же. Кто знаетъ пѣть, тотъ становись теперь да и кричи на ухо тому, кто не знаетъ, а вы замѣчайте, да смотрите на мою руку: я ею буду показывать, гдѣ чаще, гдѣ рѣже, гдѣ громче, гдѣ тише. Начинайте-же, благословясь: аминь, а потомъ — Господи помилуй.

Пѣвчіе установились и раздалась такая музыка, какой мнѣ никогда не приходилось слышать; знающіе изо всѣхъ силъ кричали на ухо незнавшимъ, тѣ фальшивили, но кричали также усердно, а Хлѣбогорскій, стоя передъ ними, размахивалъ то чаще, то рѣже рукою въ воздухъ и чуть не покрывалъ всего хора своимъ густымъ, хриплымъ басомъ.

— Что, каковъ? спросилъ меня смотритель, позвавши къ себѣ и радуясь, что наконецъ въ училищѣ введено пѣніе.

— По пѣвѣ и учитель.

— Что прикажете дѣлать; однако начальству все-таки сдѣлано удобное, и я передъ нимъ оправданъ.

— Ну, разумѣется, отвѣчалъ я.

Съ тѣхъ поръ Хлѣбогорскій являлся каждую среду и субботу въ училище, но я не рѣшался болѣе услаждать слухъ свой пѣвнителями звуками его хора, который въ скоромъ времени дѣйствительно сталъ пѣть и въ церкви, гдѣ было еще слышнѣе, какъ они фальшивили.

Впослѣдствіи смотрителю вѣроятно наскучило каждую субботу и среду слушать крикъ и ревъ около своей квартиры, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ семейный, а такая музыка могла потревожить не только дѣтскіе, но и самые сильные нервы, и онъ рѣшился позволить пѣвчимъ ходить спѣваться на квартиру къ учителю. Хлѣбогорскій разумѣется былъ этимъ очень доволенъ, какъ по сбереженію обуви, такъ и потому, что могъ мучить дѣтей, не вылѣзая изъ своего любимаго халата. Впрочемъ онъ, въ скоромъ времени, тайно отъ смотрителя, облегчилъ ихъ, назначивши вмѣсто двухъ уроковъ въ недѣлю — одинъ, на томъ основаніи, что по ихъ искусству имъ уже не нужны собственно уроки, а нужна только спѣвка. Съ тѣхъ поръ, я почти забылъ о Хлѣбогорскомъ и только однажды, совершенно нечаянно, пришлось мнѣ его снова и увидѣть и услышать. Проходя по той улицѣ, гдѣ онъ жилъ, вижу нашихъ пѣвчихъ у воротъ его дома; спрашиваю зачѣмъ они тутъ? — узнаю, что пришли спѣваться. Я рѣшился зайти къ нашему маэстро.

Онъ жилъ въ небольшомъ флигелѣ, въ заднемъ углу двора, около огорода, на которомъ стояла чучела съ растопыренными руками, на изгороди сушились одѣяло, матрасъ и пеленки. Я заглянулъ въ огородъ: нѣсколько нашихъ учениковъ пололи гряды, увидѣвши меня сняли шапки и снова принялись за работу. День былъ лѣтній, прекрасный. Изъ растворенныхъ оконъ флигеля слышенъ былъ звукъ кофейной мельницы. Заглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что кофе мелеть также нашъ ученикъ.

Возлѣ него стояла, до половины уже насыпанная его трудами, банка. Другой ученикъ качалъ въ углу люльку, третій помогаль хозяйкѣ разматывать нитки. Увидавши меня, всѣ оставили свою работу, а хозяйка торопливо спросила: кого мнѣ нужно? Сергѣя Григорьича нѣтъ дома, а коли хотите повременить немножко, такъ они сейчасъ будутъ. Я вошелъ въ комнату, въ которую собрались и всѣ ученики, а слѣдомъ пришелъ и маэстро. Онъ очень сконфузился, понявши, что я засталъ его врасплохъ и немедленно приступилъ къ спѣвкѣ.

Утомлять ли описаніемъ ея читателя? Не лучше ли перейти прямо къ заключенію, т. е. помѣстить выписку изъ годового отчета нашего смотрителя, гдѣ подъ рубрикой «предметы преподаванія», онъ описалъ эти уроки пѣнія такимъ образомъ:

«Слѣдуя предписаніямъ высшаго начальства и ревнуя о благѣ вѣреннаго мнѣ училища, я изыскалъ средства съ нынѣшняго года открыть въ ономъ классы пѣнія. Не смотря на трудность отыскать учителя за ту умѣренную плату, которую можетъ на сей предметъ ассигновать наше учебное заведеніе, я, однако же, послѣ неусыпныхъ розысканій нашель свѣдущаго по этой части человѣка. Обладая хорошимъ голосомъ и имѣя необходимыя качества регента, онъ сформировалъ изъ учениковъ уѣзднаго училища значительный хоръ и въ короткій срокъ поставилъ его на замѣчательную степень искусства. Въ настоящее время, вышеозначенный хоръ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, поетъ всенощныя и литургіи въ градской церкви Успенія Пресвятой Богородицы, исполняя какъ простое, такъ и цартесное пѣніе. Этотъ успѣхъ безъ сомнѣнія мнѣ пріятенъ, но лучшею наградою, я считаю возможность, при такихъ малыхъ средствахъ, осуществить всегда для меня священную волю начальства.»

Бывшій учитель.

ВОЛОСТНАЯ ШКОЛА ПРИЧЕТНИКА.

Настало время — благоразсудилось Благочестивѣйшему Императору нашему АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ сдѣлать крѣпостныхъ крестьянъ временно-обязанными.

За сямъ послѣдовало духовенству предписаніе, чтобы обучать дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ.

Нашъ священникъ обратилъ вниманіе на исполненіе этого предписанія. Но только онъ не имѣлъ къ этому дѣятельности, по причинѣ слабаго его здоровья, и возложилъ эту всю обязанность на меня, дьячка села П. Онъ мнѣ говорилъ такъ:

« Послушай, братецъ, я тебя прошу, возьми эту обязанность на себя. Вѣдь тебѣ извѣстно, что я человекъ слабой комплекціи и имѣю горячій характеръ. По этому я не могу заниматься крестьянскими мальчиками и не требую отъ начальства за сіе никакой чести. Я и такъ вотъ ужъ служу священникомъ 38 лѣтъ, награжденъ набедренникомъ и за севастопольскую компанію имѣю наперсный крестъ, — такъ болѣе мнѣ въ срединѣ моихъ преклонныхъ лѣтъ и желать не нужно ничего. А ты человекъ семейный и не старій и имѣешь къ этому дѣятельность. Тебѣ нужно что нибудь заслужить отъ начальства. »

Я выслушалъ все приказаніе священника и осмѣлился ему отвѣтить:

— Батюшка, когда же мнѣ за этимъ хлопотать? Какъ вы сами изволите говорить, что я человекъ семейный. Вашей чести

извѣстно, что я имѣю жену, тещу и 5 человѣкъ дѣтей. По этому мнѣ не досужно учить крестьянскихъ дѣтей.

Онъ мнѣ сказалъ :

« Какъ ты глупъ — вѣдь тебѣ за это будетъ хорошая награда. »

Я согласился на пріятныя увѣщанія священника и сказалъ :

— Прошу васъ, батюшка, не извольте себѣ о томъ говорить. Возьму всю обязанность на себя и предприму всѣ мѣры въ стараніи.

Потомъ священникъ приказалъ мнѣ сходить въ волостное правленіе, чтобы старшина назначилъ мѣсто для училища.

Я тотчасъ отправился къ старшинѣ, котораго засталъ въ волостномъ правленіи и сказалъ :

— Здравствуйте, Игнатій Михайлович!

Старшина сказалъ :

« Здравствуй дячекъ; что ты пришолъ ко мнѣ? »

Я отвѣтилъ :

— Я пришолъ къ вашей чести — за чѣмъ? извольте выслушать.

« Что такое, говори. »

— Извольте слушать. Къ намъ прислано предписаніе, чтобы учить дѣтей вашихъ грамотѣ.

Старшина вдругъ колыхнулся, сидя на стулѣ: «какъ, учить мальчиковъ! »

Я ему началъ объяснять :

— Вотъ какъ учить мальчиковъ: нужно для нихъ выстроить, училище или пока нанять квартиру; потомъ собрать тѣхъ, которыхъ отцы пожелаютъ отдать въ науку — грамотѣ; отслужить молебенъ Божіей Матери — Успенію Пресвятой Богородицы, потомъ раздать буквари и начинать съ Богомъ.

Старшина выслушалъ мой разговоръ, сказалъ :

« Послушай, ты скажи правду: для чего это приказываютъ учить грамотѣ дѣтей нашихъ? »

Я ему началъ объяснять сколько могъ: вотъ для чего ве-

лять учить вашихъ дѣтей: въ настоящее время вы избраны старшиною, то есть начальникомъ волости?

Онъ сказалъ: «да, меня избралъ міръ».

Я сказалъ: по этому вы люди хорошіе и отличаетесь отъ всего прихода.

Онъ сказалъ. «стало быть что я хорошъ человѣкъ.»

— Даже я знаю, что *ты* хорошій человѣкъ. А знаете-ли *вы* молитву Господню?

Старшина съ удивленіемъ спрашиваетъ: «какую это молитву Господню?»

Я ему отвѣтилъ: не ужели вы никогда не слышали этихъ словъ?

« Признаться сказать — я никогда не слыхалъ. »

— Вѣдь вы ходите въ церковь къ обѣдни?

« Какъ-же, хожу. Или ты не знаешь что я хожу? Нашъ попъ часто брюжжитъ на тѣхъ, которые не ходятъ въ церковь. А мнѣ, слава Богу, еще за это слова не говорилъ. »

— Я знаю, что вы ходите часто въ церковь, поэтому вы и слышали молитву Господню, то есть: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ!*

« О! это-то ты называешь молитвой Господней! Это — *вочи наши же си на небеси*. А што, парень, вѣдь я *ихъ* не знаю. Всѣхъ то развѣ я съ разу пойму. Какъ въ церкви-то одинъ разъ пропѣете, какъ вышелъ вонъ, такъ и забылъ; опять-то приду тоже ужь ни слова не знаю. »

Я выслушалъ его краснорѣчивое объясненіе и сказалъ ему:

— Послушайте, Игнатій Михайловичъ, позвольте вамъ попенять — о чемъ вы говорите, также и я не понимаю вашихъ словъ, котория вы сказали, т. е. *вочи наши же си на небеси* и считаете за молитву Господню. И какъ глупо понимаете о молитвѣ Господней, а считаете себя высшимъ лицомъ волостнаго правленія. На это-то вы тямки, какъ превышать себя противъ другихъ. Ежели испытать васъ, вы еще не только не знаете ни какой молитвы, даже и перекреститься едва-ли можете правильно. *Послушай* же, Игнатій Михайловичъ, такъ вотъ что

значить молитва Господня, и скажу почему она называется молитвой Господней. Потому что этой молитвъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ научилъ Апостоловъ. Они передали ее намъ православнымъ христіанамъ. Да не такъ, какъ вы произносите, не *вочи наши же си на небеси*. Должны произносить: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ!*—И такъ прочиталъ я ему всю молитву до конца и сказалъ ему: да это *ты* еще мало понялъ, я *вамъ* еще растолкую по русски. Отче нашъ — это значить: Отецъ нашъ, который живетъ на небесахъ, и который сотворилъ небо и землю и все видимое и не видимое, и первого человѣка; даже все на что только мы ни посмотримъ. Все это Отецъ Небесный сотворилъ однимъ словомъ Своимъ.

И такъ до конца прочиталъ ему эту же молитву по русски.

— *Послушай* же, Игнатій Михайловичъ, *вы* прославляете себя тѣмъ, что вы избраны обществомъ за отличнаго и умнѣйшаго человѣка. Сознайтесь вы сами, какъ вы не учены грамотъ, въ настоящее время, что же вы значите, когда вы не только что нибудь можете понимать, даже самой сущности не разумѣете — молитвы Господней? По моему мнѣнію безъ этого не долженъ человѣкъ существовать на землѣ.

— Вотъ еще я вамъ разкажу причину, которая къ вашей чести относится. Васъ избрало общество на управление волостью и послѣ того вы принимали присягу, которую вамъ священникъ читалъ въ церкви, когда вы держали руки кверху, — поняли-ли вы хоть одно слово?

Онъ сказалъ: «что, парень, вѣдь тоже ни одного слова не понялъ, что тамъ читалъ священникъ.»

— Такъ вотъ для чего должно учить всѣхъ православныхъ христіанъ грамотъ. Вотъ, говоришь, не понялъ ни слова изъ присяги. Вѣдь васъ учили родители къ устройству домохозяйства, и вы оказались первые въ приходѣ въ этой наукѣ и живете исправнѣе всѣхъ прихожанъ нашихъ. Это хорошо вы дѣлаете, но только это для тѣла. А ежели-бъ вы узнали грамоту, также были бы отличные хозяева и для души.

— Такъ прошу васъ, извините меня въ томъ что я съ вами *дерзко* поступалъ за истину. Это я вамъ отъ любви говорилъ.

Старшина мнѣ сказалъ: « я не только что за это обидѣться, а остаюсь благодарнымъ отъ тебя, что ты мнѣ разтолковалъ. Да еще есть у меня на умѣ вотъ что. Я хотѣлъ тебѣ поговорить. Вѣдь наша-то деревня отъ васъ 4 версты да у насъ отъ кого заняться? А теперь я буду жить къ тебѣ поближе, такъ я къ тебѣ буду ходить на гулянкахъ; ты меня поучишь молитвы. »

И я ему обѣщался: съ великимъ удовольствіемъ во всякое время готовъ васъ учить.

— Послушай же, Игнатій Михайловичъ, мы много поговорили съ вами кое объ чемъ, такъ что-же вы мнѣ скажете объ училищѣ. Вѣдь это непременно нужно устроить. Вы, пожалуйста, займитесь этимъ дѣломъ. Непременно нужно учить мальчиковъ, за этимъ наше начальство строго слѣдить. Благочинный приказалъ нашему священнику какъ устроится училище, то немедленно чтобы увѣдомить объ этомъ.

Старшина мнѣ сказалъ: « а что, малый, вѣдь я на этихъ дняхъ слыхалъ: у меня дневалъ солдатъ и сказывалъ, что ихъ также стали учить грамотѣ. »

Я ему отвѣтилъ: и у насъ тоже есть предписаніе объ солдатахъ. Когда они будутъ въ какомъ приходѣ на зимнихъ квартирахъ, также причетникамъ приказано ихъ учить грамотѣ.

Онъ сказалъ мнѣ на эти слова: « такъ я теперь думаю, ежели солдатъ велятъ учить, и нашихъ ребятъ, какъ ихъ выучать грамотѣ, такъ и погонять куда нибудь. »

— Послушай же, не будь такъ глупъ. Я тебѣ много объяснялъ объ ученіи грамотѣ, а ты сейчасъ же все забылъ. Вѣрь же ты моей совѣсти, это такъ угодно нашему Императору, чтобы Россія наша просвѣтилась ученіемъ грамотѣ. Въ прочихъ земляхъ всѣ грамотѣ знаютъ, и мужескій и женскій полъ. И у насъ современемъ будутъ всѣ также знать. Тебѣ извѣстно, что въ нашей деревнѣ никто не знаетъ грамотѣ. Хорошо это или нѣтъ? Вы насъ съ пономаремъ заставляли читать вашу вольную, а намъ не приказано этимъ заниматься отъ начальства, читать вашей воли. Вѣдь вы не миновали нанять двороваго человѣка изъ другаго села и заплатили за это 12 р. сереб.

Старшина сказалъ: « да, это правда. Вѣдь мы забыли про Кирюху, моего брата дрюроднаго, солдата, котор-го ты училъ грамотѣ. Я былъ у нихъ на крестинахъ. Онъ послѣ обѣда читалъ какъ хорошо нашу волю. Вотъ бы намъ его нужно заставить. Лучше бы ему отдать деньги-то, а мы чужому заплатили. »

Я ему сказалъ: и такъ, кажется, все теперь переговорили.

Старшина сказалъ: « тебѣ ужъ пора идти домой, такъ иди. Я старикамъ буду говорить на сходѣ объ мѣстѣ училища. Ужъ они какъ скажутъ, такъ и будетъ. »

1861 года сентября 8-го числа, послѣ обѣдни, собрались крестьяне на сходку и старшина предложилъ старикамъ объ училищѣ. Ужъ я не знаю, какъ старшина съ ними обходился, только присылаютъ за мной, чтобъ я шолъ туда. Я немедленно пришолъ къ старикамъ и сказалъ: здравствуйте мѣръ—крещенный, народъ православный и господа начальники! Они устремили на меня глаза и сказали: здорово дьячекъ.

И говорятъ: « ты какія-то отыскиваешь новости. Кто вамъ приказалъ учить нашихъ ребятъ? »

Я имъ сказалъ: спросите объ этомъ старшину — онъ вамъ скажетъ.

Старшина тотчасъ сказалъ: « полно старики толковать, надо дѣло говорить. Какъ вы скажете, гдѣ намъ обыскать мѣсто для училища? Или вы скажете новое выстроить? »

Старики говорятъ: « когда теперь строить новое — зима скоро. Вѣдь оно будетъ мокнуть. Какъ же ребятамъ учиться— на книжки капать будетъ. »

И спросили: кто же будетъ учить ребятъ? Я имъ сказалъ: я буду учить вашихъ ребятъ. Они сказали: « такъ у тебя и будетъ училище. Что ты положишь съ насъ за это? »

Я имъ сказалъ: за ученье намъ начальство не приказываетъ брать ничего, а за квартиру что пожалуете мнѣ.

И они положили мнѣ за квартиру 25 рублей серебромъ въ годъ. И такъ кончили наемъ училища.

Послѣ того священникъ приказалъ мнѣ взять духовную

вѣдомость и переписать мальчиковъ, которыхъ пожелаютъ отцы отдать для ученія.

На другой день взялъ я вѣдомость и пригласилъ съ собою сельскаго старосту и пошли съ нимъ записывать. Пришли въ 1-й дворъ. Тамъ три мальчика. Отецъ приказалъ намъ записать средняго сына, которому было 7 лѣтъ. Потомъ староста велѣлъ записать своего племянника. Послѣ того на селѣ тотчасъ всѣ ребятишки узнали, что ихъ записываютъ, разбѣжались кому куда пришлось схорониться: кто въ коноплю, которые въ солому, а котораго захватишь въ избѣ, спрячется подъ печь и тамъ кричить. Мать также плачетъ, у которой записанъ сынъ, все равно какъ отдають его въ военную службу. А меня всѣ совѣстили за это: «какъ тебѣ не стыдно ходить по селу записывать нашихъ ребятъ. Другой никто не ходитъ, а ты радъ поглотать нашихъ дѣтей.»

Исключая сего, еще много было происшествій, которыхъ я не помѣщаю. И это все происходило до октября мѣсяца.

1-го Октября старшина извѣстилъ прихожанъ: кто желаетъ отдавать дѣтей учить грамотѣ, такъ чтобы приводили ихъ въ училище. И такъ на этотъ день пришли всѣ записанные мальчики въ церковь съ отцами. Изъ числа послѣднихъ четверо оказалось желающими отдать дѣтей своихъ. Они отслужили молебень пророку Науму. Это они сдѣлали для того, чтобы дѣтямъ ихъ ученіе приходило на умъ. Священникъ далъ ребятамъ антидора по частичкѣ и приказалъ раздать имъ буквари.

На другой день Покрова Пресвятыя Богородицы пришли четыре тѣхъ же крестьянина, которые служили молебень, съ мальчиками ко мнѣ. Помолились и сказали:

«Здравствуй, Нахвидѣй Петровичъ, мы привели къ тебѣ своихъ ребятъ. Намъ сказали, что ихъ собираешь учить.»

Я имъ сказалъ: точно такъ.

И обратился къ мальчикамъ сказалъ: здравствуйте ребяточки.

Они поклонились, сказали: здравствуй дядинька.

— Что жъ вы желаете учиться?

Они сказали: желаемъ, дядинька.

— Хороши ли эти у васъ книжечки?

Они сказали: хороши.

Я имъ сказалъ: ежели вы ихъ выучите, тогда вамъ еще лучше этихъ дадутъ. Скажите прочимъ, чтобы они также шли учиться и имъ дадутъ такія же книжки.

И отцы ихъ поговорили со мною кое-что и приказали своихъ дѣтей, чтобы я старался въ занятіи ихъ. Потомъ отправились по домамъ.

На слѣдующій день еще пришло 18 мальчиковъ. Я тотчасъ отправился къ священнику, взявъ букварей, роздалъ ребятамъ и началъ ихъ всѣхъ учить.

Только прошло дней пять и мнѣ не понравилось то, что у нихъ волосы длинны и они смотрятъ въ буквари и застилаютъ волосами слова, тамъ что имъ ничего ни видно. Я имъ приказалъ, чтобъ они сдѣлали наголовники и они такъ сдѣлали. Потомъ я посмотрѣлъ на нихъ и они мнѣ представились въ наголовникахъ за швецовъ или сапожниковъ и думалъ, что съ ними будетъ ежели ихъ остричь, какъ имъ понравится?

Увидѣвши своего мальчика сына съ порядочно отросшими волосами, посадилъ его и обстригъ ему волосы. У меня былъ изъ дальней деревни мальчикъ 14-ти лѣтъ сирота, не имѣющій родителей и пришолъ ко мнѣ также учиться грамотѣ съ тѣмъ, чтобы мнѣ подсоблять въ хозяйствѣ. Этотъ мальчикъ увидѣлъ, что я обстригъ волосы своему сыну, сказалъ мнѣ: дядюшка, обстриги мнѣ также волосы, какъ ты обстригъ своему Андрею. У меня чешется голова. Я его обстригъ. И мальчики смотрятъ на него съ удивленіемъ и смѣются надъ нимъ. Я имъ сказалъ: чему вы удивляетесь, глупые? Тому что онъ обстригся?

Они, улыбаясь, сказали: да!

Я имъ сказалъ: глупцы, что же здѣсь удивительнаго? Я бы совѣтовалъ и вамъ-то всѣмъ также остричь свои волосы. Вашимъ головамъ-то было бы гораздо легче. Волосы-то васъ подавили, отъ нихъ вы плохо учитесь и долго не можете понять грамоты.

Они тотчасъ всѣ согласились стричься и всѣ выскочили, лѣзутъ ко мнѣ съ головами. Я имъ приказалъ сѣсть на мѣста.

Одного оставилъ и обстригъ. Но только на этотъ день успѣлъ исполнить желаніе 4-хъ мальчиковъ. Стало уже поздно, распустилъ ихъ по домамъ и приказалъ приходить пораньше на слѣдующій день.

Утромъ на слѣдующій день, часа за два до свѣта, пришолъ отецъ одного мальчика ко мнѣ и говорить: «что же ты сдѣлалъ, дядечекъ. За что ты моего остригъ мальчика? Или онъ что здѣсь сдѣлалъ неприятное? Или онъ что нибудь укралъ?»

Я ему сказалъ: нѣтъ твой сынъ ничего не сдѣлалъ плохаго.

«Вѣдь мой малый сталъ кликать читать Паньку, а онъ ему сказалъ, что ты колбось бритый мнѣ спать не даешь. И мнѣ это показалось очень обидно. Такъ на что же ты его обстригъ?»

Я ему рассказалъ всю причину происшествія — почему я обстригъ и сказалъ ему, что сегодня всѣхъ обстригу.

Онъ мнѣ сказалъ: ежели всѣхъ-то обстрижешь — такъ Богъ съ нимъ: пусть онъ стриженный ходитъ.

Послѣ этого крестьянина, который приходилъ гнѣваться за стрижку волосъ своего сына, въ 8-мь часовъ утра пришли всѣ мальчики. Я ихъ всѣхъ перебрilъ, пригналъ ихъ по одной формѣ, кромѣ четверыхъ — тѣхъ оставилъ не остриженными, по причинѣ ихъ большаго роста.

Еще одинъ крестьянинъ услышалъ, что я стрижу мальчиковъ, силою здоровый, прибѣжалъ, не успѣлъ переступить черезъ порогъ, закричалъ громко: «Нахеидей Пятровъ, что ты надѣлалъ это, ты на что перестригъ нашихъ ребятъ. Хочешь я тебѣ за это изобью.»

Впрочемъ, признаюсь, въ то время такъ я испугался, что весь дрожалъ; думалъ, что онъ убьетъ. И такъ я отъ страха едва могъ придти въ память и не зналъ что ему отвѣтить на вопросъ, сказалъ ему съ дрожащимъ голосомъ: Иванъ Петровичъ! утоли себя, пожалуйста не горячись. Мы съ тобой можемъ обойтись безъ крику. Вѣдь ихъ головы цѣлы. У нихъ могутъ опять отростъ волосы. О чемъ ты шумишь?

И рассказалъ этому также причину стрижения, что отъ этаг-

ничего не может случиться, ни каких дурных послѣдствій: будетъ голова выростуть на ней и волосы.

Не удовлетворился этотъ мужикъ; обратился на меня съ просьбою въ волостное правленіе. И, вышедши изъ моего дома, кричалъ на улицѣ:

«Ежели я тебя увижу на селѣ— для чего нибудь ты пойдешь, то я тебѣ раздѣну. Да ежели ты пойдешь по приходу Рождествомъ, мы тебѣ ничего не дадимъ.»

Еще постучалъ объ окно кулакомъ и пошелъ къ старшинѣ на меня съ жалобою. Только старшина ему ничего не посудилъ, а выгналъ его вонъ изъ правленія волости.

Въ то время ужъ былъ не тотъ старшина, о которомъ я выше говорилъ, а уже другой изъ крестьянъ С. грамотѣй. Онъ самъ подписывается подъ дѣла, потому и поставленъ онъ старшиною надъ тремя селами. Онъ отыскалъ источникъ, чѣмъ платить за училище. Ежели какой крестьянинъ сдѣлаетъ какое преступленіе, то съ него кладутъ штрафъ и этотъ штрафъ старшина обращаетъ на училище.

И такъ старшина одобрилъ меня и приказалъ крестьянамъ, чтобы никто не смѣлъ говорить и обижаться за обстрижку мальчиковъ.

Мальчики пришли домой послѣ обстриженія. Матери увидали ихъ, начали плакать точно какъ-бы ихъ отправляютъ въ военную службу или бы они померли. Даже нѣкоторые выли, думали, что ихъ дѣтей обманомъ взяли учить и заключили, что непременно ихъ куда нибудь погонять, когда имъ обстригли волосы. И они трактовали объ этомъ болѣе недѣли.

Пока все это бѣдствіе происходило, мои ученики прошли уже буквари до исторіи; затвердили молитвы, которыя тамъ были наизусть, учились пѣть *Царю небесный, Достойно, Спаси Господи люди твоя, Отче нашъ, Богородице дѣво радуйся.*

Прошло нѣсколько времени, пришелъ нашъ посредникъ и ребята сдѣлали ему встрѣчу — пѣли *Царю Небесный*. И увидѣвъ мальчиковъ обстриженными сказалъ:

«Кто ихъ обстригъ?»

Я сказалъ ему: я, ваше благородіе.

« Какъ тебѣ это пршло въ голову! »

Похвалилъ меня за это.

Еще было четверо не стриженныхъ. Посредникъ началъ на нихъ гнѣваться: — почему они не обстрижены. Но я застоялъ за нихъ, потому что они ростомъ велики.

И послѣ часто посредникъ навѣщалъ моихъ учениковъ. Въ особенности, ежели къ нему прѣдутъ гости, то ужъ онъ приведетъ ихъ непременно въ училище и ученики мои всегда встрѣчали его и провожали съ пѣніемъ.

Потомъ какъ прихожане привыкли и прошла у нихъ вся молва, перестали тужить о своихъ дѣтяхъ; стали считать ученіе за драгоценную находку; извинялись мнѣ за причиненныя оскорбленія и хвалили меня за стараніе, что я не опустительно доставилъ ихъ дѣтей къ наукамъ.

Къ свѣтлой недѣлѣ ребята могли порядочно читать и писали склады.

На страстной недѣлѣ въ пятокъ пришли въ училище два посредника, старшина, старосты сельскіе и добросовѣстные и дѣлали экзаменъ. Мои мальчики отвѣчали священную исторію наизусть, за что они получили похвалу отъ начальства. И тогда крестьяне говорили: вотъ когда насъ стали приводить въ крещенную вѣру, а до сихъ поръ мы словно нехристи были.

И это было все происшествіе 1862 года до святой недѣли.

Потомъ посредникъ обратился къ старостамъ и ихъ укорялъ тѣмъ, что они не знаютъ грамотъ: «вотъ ваши дѣти маленькія ребятишки — что они дѣлаютъ? Видѣли-ли? Что хорошо ли Императоръ для васъ сдѣлалъ?»

И они отвѣчали: хорошо, ваше благородіе.

Погомъ посредникъ распустилъ мальчиковъ праздновать Пасху Господню.
